

Глава 12

Сюрприз в прихожей, или Апчхи!

– Дзы-дзы-дзы-ы-ы! – неистовствовал Усатый Полицейский. Странно, но по мере того, как мальчик приближался к прихожей, звон становился не громче, а тише. У Петюньки даже мелькнула мысль, что будильник устал звонить, и, если бы мог, он бы непременно охрип.

В прихожей, по сравнению с коридором, было темнее. И всё-таки света коридорной лампы, троекратно отражённой в зеркалах трельяжа, было достаточно, чтобы чётко обрисовать контуры шкафа и входной двери напротив. Причём бросалась в глаза не сама дверь, а её копия на серебристой зеркальной глади. Сразу три копии двери.

Чтобы было виднее, Петюня включил настенный светильник в форме тюльпанчика, подвешенный над трельяжем. Несмотря на мамин запрет сидеть на полу, малыш, как обычно, стал на коленки перед шкафом и выдвинул верхний ящик, куда, как он помнил, папа засунул поломанный будильник.

– Ну, чего трезвонишь? – спросил мальчик, выуживая из ящичка нарушителя тишины.

Чувствуя за собой вину в том, что не так давно произошло с будильником и папой, Петюнька старался обходиться с Усатым Полицейским как можно нежнее. Он ласково поглаживал пальцами циферблат, ощупывал застывшие стрелки, выпавшую пружину, какие-то колёсики сзади и, главное, заводной ключ, который до сих пор продолжал вращаться, непонятно кем и когда заведённый.

– Тише, тише, – приговаривал мальчик, внимательно осматривая вибрирующий будильник, чтобы найти ту заветную кнопчку, которая заставит его успокоиться. Но куда бы ни жал Петюня, за что бы ни дёргал и что бы ни крутил, результата никакого. Вспомнив, что вещи умеют чувствовать и думать, малыш решил попросить:

– Ну, прошу тебя! Прекрати звонить. Если хочешь, я попрошу у тебя также прощения. Прости! Миленький, я не хотел. Но так уж получилось тогда...

– Дзы-дзы! – коротко, примирительно дзенькнул будильник и умолк.

– Я знал, что ты меня поймёшь. Спасибо тебе, – поблагодарил Петюнька Усатого Полицейского.

Прежде чем вернуть будильник в шкаф, мальчик ещё раз для закрепления эффекта погладил стрелки и пружинку. После такого массажа усы-стрелки Полицейского вздрогнули. Точно так, как вздрагивают усы у Яшкиного деда, когда тот, тайком от бабушки, нюхает табак. А ещё, вспомнилось Петюньке, дедушка Ермолаев выразительно крутит похожим на картошку носом, довольно кряхтит и громко чихает, чем выдаёт себя перед бабушкой, которая при этом всегда ругается и грозит пальцем.

«Смешно было бы, если бы будильники имели рты и носы! – представил себе малыш. – Вот это была бы забава – просыпаться по утрам не под дзы-дзы, а под чхи-чхи!»

Усмехнувшись, Петюня положил будильник в ящичек, поверх коробки из-под пластилина. Коробка, кстати, показалась мальчику подозрительной, поскольку была ему незнакомой. Петюнька точно знал, что ещё вчера, когда он в последний раз наведывался с проверкой в трельяж, никакой такой коробки здесь не было.

«Неужели папа без меня положил что-то в ящик?» – то ли удивился, то ли обиделся Петюня.

Чтобы посмотреть, что внутри коробки, мальчику пришлось опять потревожить будильник. Удивительно, но Усатый Полицейский соизволил промолчать. Стрелки будильника, пока Петюня перекладывал его в другое место ящика, покачнулись, быстренько обежали кружок по циферблату и застыли кончиками вверх, как бы сообщая малышу, что Усатый Полицейский не сердится, что будильник в приподнятом расположении духа. В том, что у механизма, начинённого колёсиками и пружинками, есть душа, Петя не сомневался.

«Хм. Вот ты уже и улыбаться начал... – подумал мальчик. – Авось скоро начнёшь чихать».

– Апчихи! Апчихи! – действительно чихнул кто-то. Не будильник. Чих донёлся из коробки!

– Апчихи-чихи! Ах, замучила эта аллергия... – последовало за чихом. – Ах, милейшие! Апчихи! По-моему, здесь чем-то пахнет? Апчихи! Случайно не нафталином? Апчихи-чихи! В старых шкафах часто хранят нафталин.

– Что вы, б-б-батенька, – слышался ещё один голос из коробки, хрипловатый и немного гнусавый, как у простуженного Петюньки, – б-б-большое заб-б-луждение с вашей стороны полагать, что в шкафу пахнет нафталином. Б-б-батенька, нафталином здесь как раз и не пахнет!

– Вероятно, – ввязался в нелепый разговор кто-то третий, из той же коробки, – под нафталином вы имеете в виду нечто такое, что нафталином вовсе не является, но так же неприятно пахнет, как нафталин. Весьма неприятно! Вай-вай!

– Гарантирую – здесь нафталин! Га-га-га! Правда, я не знаю, что такое нафталин, но пахнет грандиозно! – заливаясь хохотом, объявил четвёртый незнакомец из коробки.

– Да что вы, в самом деле, друзья? Спутать с нафталином духи?! Да вы! Да я... – возмутилась, судя по звонкому голосу, девочка.

– Вай-вай-вай! Духи-хи-хи? Не завидую я той мадам, чьи они... – ехидно поддел девочку некий шутник.

– Да говорю я вам – духи! Действительно они!! Да-да-да!!! – разошлась не на шутку девчонка из коробки.

– Га-га-га! – продолжал смеяться весельчак.

– Б-б-беспорядок, б-б-батенька! Б-б-будьте разумны! Зачем, б-б-батенька, устраивать б-б-балаган? – пытался урезонить спорщиков заика.

– Ах, если б знал я, что будет такой спор... Апчихи... Не начинал бы этот разговор... Апчихи! Ах, эта проклятая аллергия! – сетовал обладатель первого голоса.

– Вот-вот! И я о том! – делал вид, что соглашается, но судя по смешливому тону, дразнился таинственный забияка.

Внутри коробки началось движение. Кто-то толкал картонную крышку, даже, как показалось Петюне, бил кулачками и пинался, старясь крышку эту приоткрыть.

«Апчхи», «б-б-балаган», «вай-вай», «га-га-га», «да-да», «аллергия», «б-б-бардак», «вот-вот», «грандиозно», «друзья» – все голоса, доносившиеся из коробки, смешались в единый гул и стали напоминать приглушённое жужжание пчелиного роя. Сплошное «у-у-у...»

– Вот это да! Вот это новости! – воскликнул мальчик.

Он отнюдь не испугался, так как был уже наслышан от Яшки о загадочных болтунах в коробке из-под пластилина, со встречи с которыми когда-то началась сказка его друга.

«Так это и есть сюрприз от Ермолаева – пластилиновые буквы! – мысленно подытожил Петюнька. – Как только Яшка умудрился незаметно от мамы засунуть коробку в трельяж?»

Глава 13

Знакомьтесь: Абра-ар, Бурундун, Вьюга-вьюн, Гагатун, Дзинь-да-да

– Ой, а я, кажется, помню ваши имена! – обрадовался малыш. Приблизив лицо к брыкающейся коробке (она всё ещё лежала внутри ящика, поскольку Петюня не решался её оттуда вытащить), мальчик шёпотом, но внятно перечислил в алфавитном порядке волшебные имена, которые поведал ему Яшка: – Абра-ар, Бурундун, Вьюга-вьюн, Гагатун, Дзинь-да-да.

Коробка перестала брыкаться, голоса затихли. Но ненадолго. Выждав минуту или две, самый смелый из болтунов спросил:

– Вай! А кто там?

– Я – Петюнька, то есть Петя Ложкин, Яшкин друг, – ответил малыш, стараясь быть серьёзным, хотя его распирало рассмеяться. – Я думаю, что Яшка подарил вас мне...

– Вай-вай-вай... – выдал своё коронное Вьюга-вьюн (Петюня уже догадался, что разговаривает с буквой «В»). – Вот тебе на...

– Вы... Вы не переживайте, – спохватился мальчик, подумав вдруг, что буквы могли расстроиться из-за неожиданной смены хозяина. – Я вас не обижу. Я... Я так хочу с вами дружить! Можно мне открыть коробку?

– А-а-а... Сделайте милость, уважаемый Петюня... Освободите нас! А-а-пчи! А то, видите ли, нет мочи терпеть этот ужасный... пардон... специфический запах... Апчи! Апчи! – обратился к мальчику Абра-ар.

Петюня не сомневался, что это была именно буква «А». Перепутать подчёркнуто вежливую манеру говорить, характерную, по рассказам Яшки, для профессора Абра-ара, умнейшей из всех букв алфавита, было невозможно.

– Конечно, профессор! Сейчас! – поспешил малыш успокоить букву «А». – Я знаю, что у вас аллергия. Только поверьте – в трельяже мы не держим нафталин. Это, наверное, папин одеколон вызвал вашу аллергию. Его подарили папе на юбилей коллеги по работе. Вроде бы дорогушая вещь!.. Но мама сказала, что запах у

одеколону скисший... Выбросить подарок папе было жалко – вот и хранится, на всякий случай, подкисший одеколон в трельяже. Я им засохшие фломастеры иногда заправляю...

Закончив с объяснениями, Петюнька аккуратно вынул коробку из ящика, положил её на лакированную поверхность шкафа перед зеркалами, двумя пальцами приоткрыл растрёпанную крышку, подумал немного и резким движением отбросил её в сторонку, как будто в коробке сидит нечто, что может его укусить. Что говорить – Петюне было не по себе. Ведь не каждый день (вернее, ночь) на твоих глазах оживает сказка!

– Ах! Ах, как сладок глоток свежего воздуха! – не скрывал радости профессор Абра-ар – почтенный господин с коротенькой бородкой и в таких же больших, как у Петюньки, очках.

Одета буква «А» была в синий плащ. На голове красовалась серая классическая (интеллигентная такая...) шляпа. Под расстёгнутым плащом Петюне удалось разглядеть серые, как и шляпа, брюки на смешных голубоватых подтяжках и, представьте себе, на ремне!.. Завершали облик сказочного профессора белоснежная шёлковая рубашка, голубой с металлическим отливом галстук, который украшал вышитый красными нитками символ буквы «А», и тёмно-серые элегантные туфли.

«Любопытно, – подумал Петюня, рассматривая утирающегося миниатюрным носовым платком Абра-ара. – Подтяжки держат штаны, а ремень тогда зачем? Пистолет он там прячет, что ли? Очень любопытно...»

– Признаться, уважаемый Петюня, – продолжил тем временем благодарственную речь Абра-ар, – сидеть запертым внутри старого шкафа – не самое приятное занятие. Апчхи... Благодарим вас за спасение!

– Б-б-батенька, говорите за себя. А я вот полагаю, что мальчик мог б-бы и раньше вызволить нас из шкафа. До ночи пришлось ждать. Б-б-большое промедление с его стороны! – пробурчал, заикаясь, Бурундун (он же буква «Б»).

Со слов Яшки Петюнька помнил, что эта буква любит лишний раз побурчать, покритиковать, почитать нотации. Хотя немного смешно воспринимать критику от небритого, длинноволосого, очень напоминающего бездомного бродягу субъекта, в образе которого явилась мальчику буква «Б». Не добавляли солидности Бурундуну также рваные короткие джинсы, красная клетчатая рубаша с закатанными до локтей рукавами, зелёная бейсболка с аппликацией в виде буквы «Б» и абсолютное отсутствие какой-либо обуви на ногах. Единственное, что в гардеробе босоногого Бурундуна можно было назвать приличным – это длинный шерстяной и, наверное, очень тёплый жёлто-зелёный шарф с бахромой по краям, которым была обмотана шея бурчащей буквы. Да, бросался ещё в глаза огромный, тоже зелёный с жёлтым зонтик с резной деревянной ручкой. Редкая вещь!

– Извините! Но я же не знал, что в шкафу меня ждёт сюрприз от Яшки... Сюрприз – он на то и сюрприз, чтобы до определённого времени о нём ничего не знали. И вообще, если бы не будильник... Да что это я оправдываюсь, когда вовсе не виноват?! – из вежливости начал извиняться Петюня, но потом неожиданно, прежде всего для самого себя, вспылал.

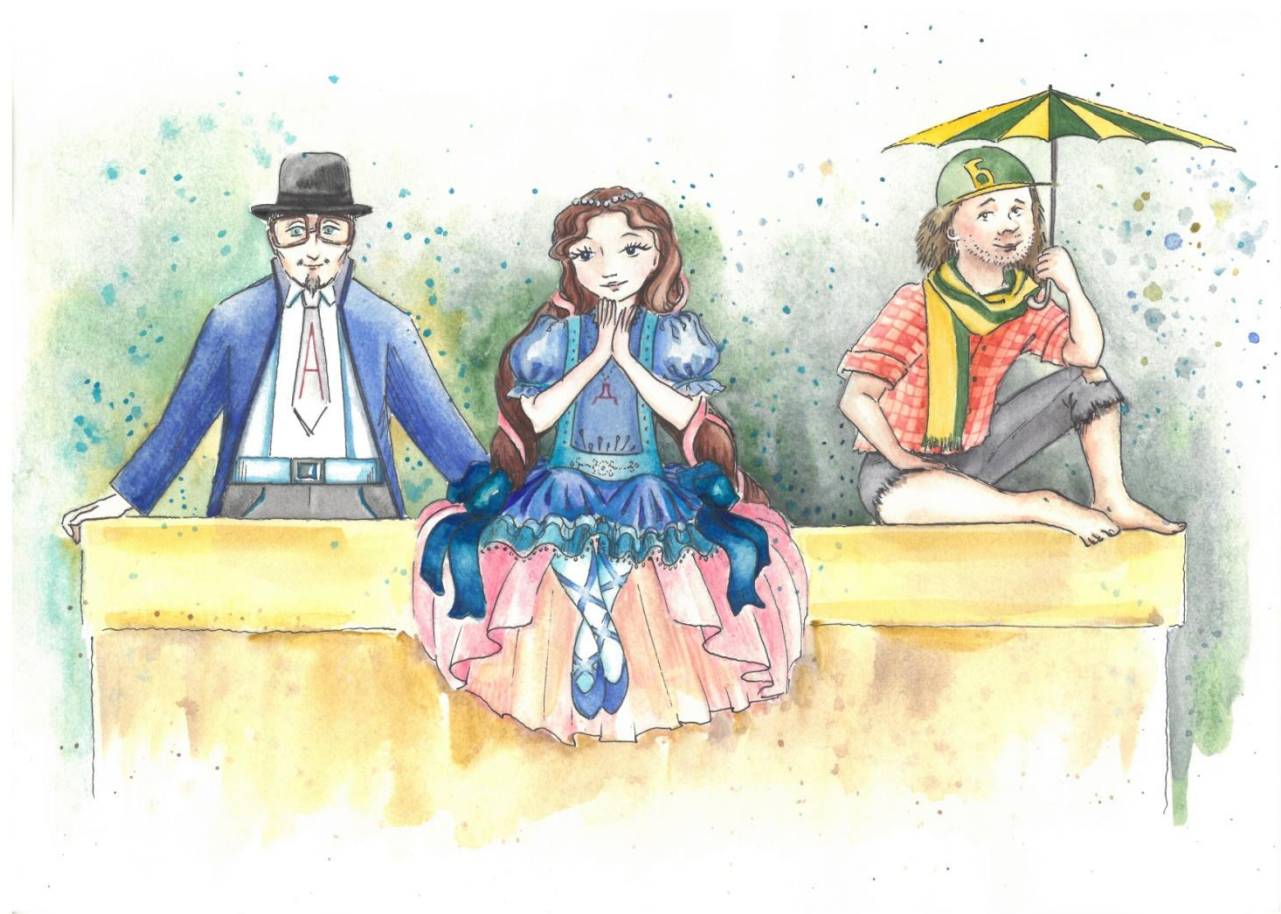
– Га-га-га! Га-га-га! Грандиозно! – хохотал, ничуть не стесняясь, Гагатун – буква «Г».

Внешность Гагатуна соответствовала его не совсем пристойному, как посчитал Петюня, поведению. Настоящий клоун в слишком пёстром и несуразном наряде!.. На голове – шутовской колпак в сине-красную клетку и с кисточкой на кончике, на ногах – обтягивающие лосины в красную и синюю полосу. Рубашка с закрытым воротом и изрезанным подолом, обшитым бубенцами, окрашена в кричаще-жёлтый (канареечный) цвет, на фоне которого нелепо «разбросан» какой-то мелкий синий рисунок. Присмотревшись внимательнее (для этого пришлось вплотную приблизить лицо к коробке), Петюнька определил, что рисунок состоит из очень маленьких изображений буквы «Г». Левый рукав рубашки, как и пояс, ярко-красный. Какого цвета правый рукав,

мальчик определить не мог, так как через правое плечо Гагатуна был переброшен синий плащ – очень длинный, почти до пола. Поверх плаща из лоскутов зелёного и голубого цвета выложен огромный, во весь рост сказочного клоуна, его символ – буква «Г». Ну и, наконец, жёлтые, в тон рубашке, ботинки с закрученными носками, как у восточных джиннов. Вот такой парад красок в одном лице...

«Тот ещё гусь носатый... – подумал мальчик, успевший, как видно, обидеться на букву «Г». – Что толку всё время хохотать?..»

– Да вы, Петенька, не обращайте внимания, – вмешалась, наконец, деликатная Дзинь-да-да – буква «Д», напомнившая мальчику колокольчик. – Действительно, не стоит обижаться. Бурундун – он хоть и бурчит, но в глубине души очень милый и добрый. Гагатун же смеётся не над вами, Петенька. Просто по природе своей он смешливый.

Петюнька с нескрываемым восхищением разглядывал букву «Д». Пожалуй, самую красивую из сказочной пятёрки. Что

неудивительно – девочка всё-таки! В первую очередь, бросалась в глаза великолепная юбка Дзинь-да-да. Скорее две юбки, объединённые в одну.

Первая – синяя, короткая, пышная, как пачка балерины. По бокам два огромных банта, специально завязанные таким образом, чтобы вниз спускались, гладко переливаясь синим шёлком, длинные ленты. Вторая – розовая, полупрозрачная. Будучи продолжением первой, она красиво струилась до мягких синих туфелек, больше напоминая шлейф, нежели юбку. Когда Дзинь-да-да двигалась, юбка-шлейф изящно распаивалась спереди, открывая ножки, обтянутые голубыми чулочками и крест-накрест перевязанные синими атласными ленточками – этим элегантным продолжением девичьих туфель.

В верхней части наряда безраздельно властвовали сине-голубые тона – любимые, как понял Петюнька, цвета буквы «Д»: синяя блуза, украшенная голубой тесьмой, и широкий голубой пояс, расшитый синим бисером. Высокий воротник, широкие рукава, маленькая диадема из голубых кристаллов и синенький кулончик на тонкой шее в виде буквы «Д» делали Дзинь-да-да похожей на принцессу. Впрочем, для Петюни «дюймовочка» из картонной коробки с копной вьющихся каштановых волос, ниспадающих до колен, была не то что принцессой, а самой настоящей сказочной королевой.

Да, Петюня был очарован волшебной красотой Дзинь-да-да. Её густые пряди, перехваченные двумя симпатичными розовыми бантиками, чуть было не затмили в памяти Петеньки образ Зайчика с солнечным нимбом над головой. Но чуть было – не считается...

– Вай-вай-вай! Дзинь, по-моему, ты кое-кому нравишься, – не преминул съязвить Вьюга-вьюн, заметив, как внимательно Петюнька через свои огромные очки осматривает буковку «Д». – Смотри, осторожнее там, а то перепутает мальчуган девочку из коробки с конфеткой и ненароком съест!

– Га-га-га! Конфеткой... Га-га-га! Съест... – верный себе хохотал Гагатун.

– Не смешно! Да-да-да! Да что вы, друзья? Что подумает о нас мальчик? Как дурно вы воспитаны!.. – не выдержав, Дзинь-да-да начала отчитывать своих нерадивых товарищей.

– Б-б-бардак... Б-б-беспорядок... – бурчал в углу коробки Бурундун. Правда, не понятно было, кому адресована его критика.

– Вай-вай! На себя посмотрите... Воспитывать все любят... И я, может, воспитывать могу. Если захочу, та-а-кой из меня выйдет воспитатель! – сердито огрызнулся Вьюн.

Он сидел на краю коробки, скрестив ноги в зелёных ботинках и сложив на груди руки. Одет был в просторный костюм, в каких обычно занимаются спортсмены, осваивающие премудрости восточного бойцовского искусства. Только расцветка спортивного костюма не совсем стандартная: правая половина зелёная, левая – тёмно-красная. Справа на груди зелёным по зелёному вышит символ буквы «В». На голове бордовая повязка, на шее завязана крепким узлом такого же цвета косынка.

Когда Вьюга-вьюн вертел головой, а он вертел ею почти всё время, длинные свисающие концы платков на шее и голове весело болтались. Вообще, шустрый Вьюн в бойцовском костюме и пиратских платках, с озорной улыбкой, румянцем на щеках и сощуренными глазами создавал впечатление хитрого, себе на уме шалуна, от которого можно ожидать разных «сюрпризов».

К такому выводу пришёл Петюнька, наблюдавший за буквой «В». А ещё он вспомнил Яшкины отзывы о Вьюга-вьюне, во многом подтвердившие его предположения. В частности Пете пришёл на ум потешный, по его мнению, рассказ о том, как Яшутка получил от буквы «В» щелчок по носу.

«Да-да, – подумал малыш, – Вьюн тот ещё пират. С ним нужно держать ухо востро. Хм... Не ухо беречь надо, а скорее нос...»

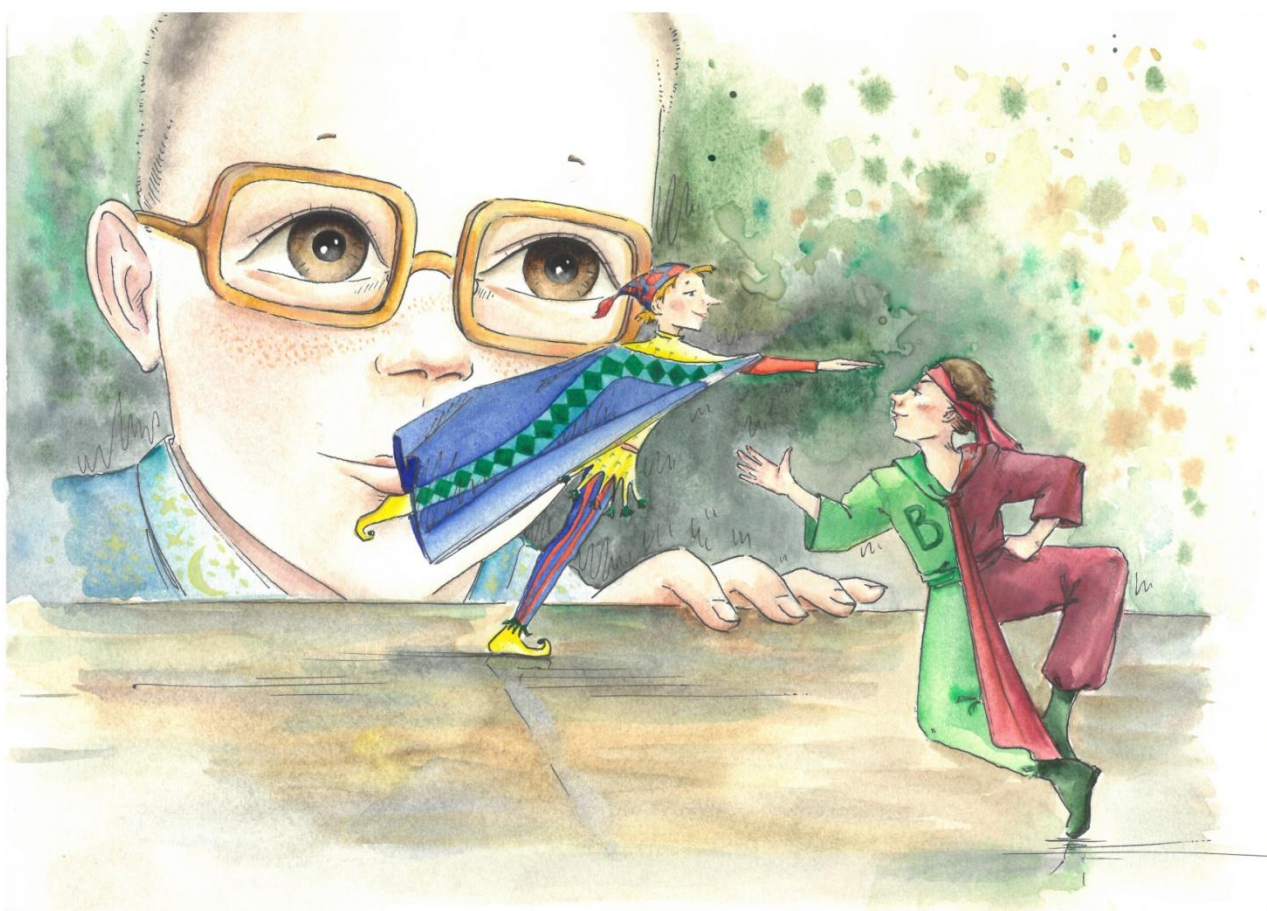
Пока Петюня размышлял, какого мнения он придерживается о непредсказуемой букве «В» – положительного или не очень, предмет его размышлений резко вскочил с края коробки, перепрыгнул через него и смешной трусцой пустился по гладкой поверхности трельяжа. Периодически он поскользывался, падал, тут же вскакивал, бежал,

чтобы ещё раз поскользнуться и упасть. Всё это Вьюга-вьюн проделывал как-то чересчур уж легко и непринуждённо. У Петюньки зародилось подозрение, что буква «В» попросту его разыгрывает: на самом деле не падает, а фокусничает.

Скоро Вьюга-вьюну наскучило падать, но баловством шутник не пресытился, поэтому без промедления приступил к новой забаве: присел на корточки и начал отплясывать гопак.

– Вот так! Вот так! – умудрялся между делом ещё и приговаривать баловник. – Вот так! Так! Так!

– Грандиозно! Грандиозно! – донеслось со стороны коробки, откуда уже мчался навстречу к танцующему Вьюну его друг Гагатун.

Хорошенько разогнавшись, буква «Г» заскользила по трельяжу, делая вид, что упражняется на ледяном катке. Поворот налево, поворот направо, один кружок вокруг своей оси, нога вверх, руки в стороны – получилась ласточка. Бум-бум – задорно звенели бубенцы на клоунской рубашке Гагатуна.

Остальные буквы выглядывали из коробки, которая выступила для них в качестве трибуны, и поддерживали артистов громкими аплодисментами и подбадривающими криками.

– Б-б-браво, б-б-братцы! Хру-хру-хру! – засмеялась даже буква «Б». От смеха у Бурундуна выступили слёзы, и он то и дело тёр глаза своим роскошным жёлто-зелёным шарфом.

– Да-да-да! Дзинь-дзинь-да! Да-да-ди-ду-да! Да-да! – запела девочка-колокольчик.

– Дин-да-да! Да-ду-ди-да! – подпевал буковке «Д» растроганный Петюня.

– Ах-ах, милейшие! Ах-ах, уважаемые! Как это всё приятно! Как всё радостно! – приговаривал почтенный профессор Абра-ар.

Мальчик и буквы нашли общий язык. Даже больше – теперь у Петюньки появились новые друзья!

Глава 14

В зеркале скрипнула дверь, и вот он – пан Сонька

Ночью в прихожей Ложкиных в мягком свете бра – маленького тюльпанчика с головкой, опущенной вниз, разворачивалось интересное действие: на красном коврикe перед зеркальным шкафом сидел наш Петюня в огромных очках и сине-жёлтой пижаме и, на первый взгляд, разговаривал сам с собой. Или со своим троекратным зеркальным отражением? Но это только на первый взгляд. Сказочные собеседники Петюньки Очкастого были настолько маленькие и необычные, что стороннему наблюдателю, пожалуй, сложно было бы их разглядеть.

Впрочем, сказка приходит в жизнь далеко не каждого из нас. И в этом деле не имеет значения, носим ли мы очки. Большое чудо, как правило, состоит из тысяч, миллионов маленьких чудес. Чтобы увидеть их, стеклянных очков и даже самых мощных ламп бывает недостаточно. Нужно иметь чистое сердце, способное верить в чудо и творить его.

Такое сердце, как у Петюньки, у Яшки, Маши, даже Вовки и любого другого ребёнка. Независимо от цвета глаз, волос, кожи. Независимо от того, в какой семье (министра юстиции или водителя маршрутного такси) и в каком уголке нашей планеты довелось жить малышу или малышке. Чистота сердец – это дар детства, откуда родом все мы.

Петюня Ложкин, прозванный сверстниками Очкастым, в нескольких кусочках пластилина, подаренных ему лучшим другом – Яшкой, сумел разглядеть чудо. И какое, согласитесь, чудо?!! Сказка эта явилась не столько любопытным глазам мальчишки, спрятавшимся за толстыми стёклами очков, сколько его сердцу, готовому принять чудеса.

– Я знал... Я знал, что Яшка не выдумал свою историю, что говорил правду, – прошептал Петюнька.

Нет, он не боялся, что родители могут его услышать. После того, как взрослые не отреагировали на сумасшедший звон будильника, его слабый голосок и подавно не потревожит их крепкий сон. Здесь дело

было в другом. Петюне почему-то казалось, что сказку, как легкокрылую бабочку, легко вспугнуть, поэтому он старался вести себя как можно осторожнее. А то моргнёшь, чихнёшь или ещё что-нибудь в этом духе, и всё исчезнет враз. Потом гадай: была ли сказка или только привиделась.

Пока видение не исчезло, Петюнька решил сложить букочки обратно в коробку и отнести к себе в комнату.

«У меня сохраннее будет», – думал малыш.

Поскольку Абра-ар, Бурундун и Дзинь-да-да коробки не покидали, с ними не возникло никаких проблем. Наоборот, профессор был несказанно рад покинуть старый шкаф со специфическим запахом скисшего одеколona. Только крышкой попросил коробку не прикрывать. Мол, аллергия!

Однако Вьюн и Гагатун, объединившиеся в пару и выделяющиеся на трельяже невероятные па (то страстную лезгинку, то чувственное танго, то романтический вальс), возвращаться в коробку отнюдь не желали. Петюнька пытался их уговорить, пообещав удобную танцплощадку на прикроватном столике в своей спальне. Но, естественно, метод «по-хорошему» не принёс нужного результата. Строптивые буквы «В» и «Г» с удвоенным рвением продолжили танцевать: взяли друг друга за руки, стали на цыпочки, изобразив, как догадался Петюня, балерин и начали отчебучивать, припевая:

– Вай-вай! Га-га! Вай-вай! Га-га! Вай-вай! Га-га! Га-га! Вай-вай! Га-га! Га-га!

– Б-б-беспорядок! Б-б-бардак! – донеслось из коробки бурчание Бурундуна. – Их не пряником надо, их надо кнутом! Б-б-безобразники...

– Вай-вай, был бы пряник, а то так... – намекнул, не прекращая танцевать, Вьюга-вьюн.

– Ни так, ни сяк, – уточнил его дружок Гагатун.

– А, я понял! – стукнул себя по лбу Петюнька, отчего очки слезли на кончик носа. – У меня в спальне есть кусочек шоколадки и песочное печенье.

– Вот! Вот так бы сразу! – обрадовалась буква «В».

В ритме вальса вместе с буквой «Г» Вьюга-вьюн направился к коробке.

Всё происходящее показалось Петюне смешным, и он от души рассмеялся. Смеялись, каждый на свой лад, и его новые друзья.

– Ах-ха-хи-ха! – бархатным интеллигентным голосом смеялся Абра-ар. Почему именно интеллигентным, Петюня и сам не знал, но ему казалось, что всё, что связано с профессором, непременно должно быть таким.

– Хру-хру-хру... – довольно похрюкивал в шарф Бурундун.

– Хе-хе! Вай-вай! Не могу... Хе-хе! – заливался смехом Вьюга-вьюн.

– Га-га! Га-га! Грандиозно! – громче всех хохотал Гагатун – спец по смеху.

Элегантная Дзинь-да-да звонким колокольчиком нежно разбавляла общий хор:

– Ха-ха! Дин-дон-да! Ха-ха!

Увлёкшись, друзья не слышали, как в прихожей что-то скрипнуло, и не видели, как дверь, не та, что за спиной Петюни, а отражённая в зеркале, приоткрылась, впустив облако зеленоватой пыли. Причём, что интересно, приоткрылась лишь одна копия двери – в центральном, самом широком зеркале. Однако входная дверь, отражённая в боковых зеркалах, как и прежде, была заперта.

Когда зелёное облачко рассеялось, в дверном проёме показалась круглая голова в длинном голубом колпаке. Пухлые щёчки, маленькие глазки, курносый нос и большие растопыренные уши придавали неожиданному гостю сходство с поросёнком. С очень милым, надо признать, свинтусом в колпаке.

Глазки загадочного посетителя испуганно бегали, изучая обстановку. Убедившись, что опасности нет, субъект, похожий на поросёнка, улыбнулся и утёр пот на лбу пухленькой ручкой, облачённой в оранжевый в синих васильках рукав. Его бледные, будто покрытые изморозью, щёки под смех друзей, собравшихся в

прихожей, начали оттаивать. Очень скоро на лице гостя расцвёл двумя бутонами свежий румянец.

Толстячок расслабился, немного подался вперёд, толкнув дверь. Проём стал шире. Теперь помимо головы был виден крепкий корпус незнакомца в пёстрой распашонке, а под ней короткие кривые ножки в жёлтых шароварах и голубых тапочках.

С неподдельным любопытством крепыш рассматривал представшую его взору компанию. Особого внимания гостя удостоился мальчик в пижаме и очках.

Петюня тем временем справился с загулявшими буквами, загнав-таки Гагатуна и Вьюна в коробку.

– Пора спать, – объявил малыш друзьям. – Пора в кроватку.

От долгого сидения на коленках у Петюньки затекли ноги. Чтобы легче было вставать, мальчик опёрся руками о трельяж, мимоходом бросил взгляд на зеркало, не ожидая увидеть там что-либо интересное. Каково же было удивление Петюни, когда вместо худенького личика в очках из зеркала на него взирала пухлая физиономия «поросёнка» в колпаке?!

Гость широко улыбнулся, вытер о подол рубашки правую руку, приложил её к груди, там, где сердце, а затем протянул к малышу. Петюнька, как и положено вежливому мальчику, пожал высунувшуюся из зеркала руку. Она оказалась вполне реальной – мягкой, тёплой и немножко влажной. Пожать – пожал, но сказать – ничего не сказал. Порядком растерявшись, он не придумал, что следует говорить в данной ситуации.

– Приветствую вас, уважаемый пан Сонька, – вместо мальчика встретил добрым словом гостя профессор Абра-ар. – Каким ветром вас сюда занесло, милейший?

– Ий-ий! – пропищал тоненьким голоском толстячок. – Какая неожиданность! Какая радость! Какая радостная неожиданность... Тьфу... Какая неожиданная радость... В общем, как хорошо, что я встретил именно вас, профессор! Всех вас, мои дорогие друзья!

Глава 15

Печальный рассказ пана Соньки

Закончив с рукопожатием, пан Сонька снял с головы колпак и обнажил безупречно гладкую, блестящую лысину. Настолько гладкую, что в ней, как в зеркале, отражался свет лампы-тюльпанчика. Смешно так получилось: зеркало в зеркале. У Петюньки мелькнула мысль, что это не лысина вовсе, а отполированный таз. Кстати, и по форме голова ночного гостя весьма соответствовала этому сравнению.

– Хи-хи... – тихонько засмеялся Петя, стараясь, чтобы незаметно было, прикрыть рот ладошкой. Потом так же, тихонечко, добавил: – А уши – это ручки воображаемого таза?..

– Что? Какой такой таз? Какие такие ручки? – спросил Абра-ар, который, судя по всему, единственный из присутствующих владел ситуацией и не терял самообладания.

Остальные же буквы, чем-то очень обеспокоенные, помалкивали. Вьюн не шутил, Гагатун не смеялся, а Бурундун, что больше всего удивило мальчика, удержался от критики, хотя было из-за чего побурчать на Петю.

– Да ничего, – промямлил Петюня. Он понял, что его шутка не к месту и не ко времени. Смутившись, малыш зачем-то потёр правый висок, будто у него заболела голова.

Гость по ту сторону зеркала неуверенно засопел, потоптался, оглянулся назад – за дверь, которая по-прежнему была приоткрыта. Его тоже что-то беспокоило. Более того – пугало. Румянец, проступивший на пухлых щёчках, потух, и лицо пана Соньки снова стало белым, как полотно.

– Ий-ий... – испуганно запищал, будто завизжал поросёнок, лысый коротышка. – Она близко... Я её слышу...

– Кто – она, милейший? Поясните, что происходит? – на удивление спокойным голосом задал вопрос гостю профессор.

– И-и-ий... – не переставал визжать пан Сонька. От страха он присел на корточки, вжал голову в плечи, обеими ладошками закрыл глаза, из которых уже струились слёзы, и начал слегка покачиваться –

то назад, то вперёд. Когда приступ паники утих, Сонька отлепил руки от лица, жалобно посмотрел на Петюньку покрасневшими глазками и, наконец, пропищал: – Ахуратс... Ий-ий!..

– Ах... Ах... Ахуратс?! Вы сказали – Ахуратс? – опять спросил профессор. Правда, не так спокойно, как прежде.

– Ахуратс! Говорю – Ахуратс!!! Старухи нет, а Тень осталась... – отчаянно крикнул пан Сонька.

– Ахуратс – это Старуха, только если произнести задом наперёд, – пояснил Петюне Абра-ар, никогда не забывающий, что он всё-таки – профессор. – Так звали Тень Колдуньи, её верную помощницу в чёрных делах.

Коротышка в распашонке, сообразив, что позволил себе лишнее, закрыл рот ладошкой, в очередной раз выглянул за дверь, убедился, что там никого нет (пока – нет) и продолжил свой рассказ, но на этот раз уже шёпотом:

– После того как Старухи не стало, её Тень, как брошенный пёс, бродила неприкаянной. А потом исчезла. Все подумали, что Ахуратс постигла та же участь, что и хозяйку. Но недавно стало известно, что Тень Старухи приручил Сморчок. Теперь Ахуратс служит Князю Трельяжного Королевства.

– Вай! Колдун приобрёл мощное оружие... Что теперь будет с Антресолией? – воскликнул Вьюга-вьюн.

– Да, при Старухе Сморчок был мелкой сошкой, знал своё место – носа не высовывал из Трельяжа, – добавила Дзинь-да-да. – Но теперь Ведьмы нет, значит, путь свободен... К более лакомому куску пирога.

– К Антресолии, – подытожил Абра-ар.

Бурундун, внимательно прислушивающийся к разговору друзей, не преминул побурчать:

– Б-б-батенька, постойте... Каким же об-б-разом этот Сморчок соб-бирается подчинить страну желаний? Даже с помощью Ахуратс ему это не по силам. Нужна очень мощная магия, способ-бная перекрыть силу человеческих желаний. Нет, пан Сонька явно преувеличивает.

– Гроза Антресолии... Ведьма... Она черпала силу в чёрных сердцах. Но Яшка расколдовал их и выпустил на свободу. Сморчок не того уровня колдун, чтобы освоить магию Старухи, – согласился с буквой «Б» Гагатун.

– А он и не пытается, – потупив глазки и теребя пальчиками колпак, сказал пан Сонька. – Сморчок нашёл для себя другую лазейку в мир людей. С помощью нас – феев человеческих снов.

– Ах, милейший, как это? Вы на стороне зла? – изумился Абраар.

– Что вы?! Как вы могли такое подумать?! – обиделся толстячок.

Пан Сонька так разозлился, что даже топнул ножкой, из-за чего тапка отлетела в сторону и стукнулась о дверь в правом зеркале. Фей утёр рукавом лысину, нахлобучил на неё колпак и на одной ножке, той, что оставалась в тапке, перепрыгнул из центрального зеркала в правое. От таких акробатических трюков старый трельяж покачнулся – дверь в зеркале захлопнулась с громким «тум!».

– Ий-ий! Теперь она точно меня услышит! – причитал пан Сонька, засовывая пухлую ножку, больше похожую на разбухший вареник, в сбежавшую тапку.

– Подождите с причитаниями, пан Сонька. Меньше стонов, больше слов по существу. Разъясните нам, наконец, что задумал Сморчок? И при чём здесь вы? – урезонивал паникёра профессор.

Крепыш послушался букву «А», перестал ийкать. Вперив взгляд в Петюньку, который всё это время стоял в углу, опасаясь подойти ближе к шкафу, зазеркальный гость прошептал:

– Тень может беспрепятственно перемещаться из мира в мир. Ей неподвластны запреты. В промежуточных измерениях между дверьми, пребывая в которых, мы, феи снов, особенно уязвимы, Ахуратс отлавливает нас, высасывает чернотой наши силы.

– Вай, зачем Сморчку лысые толстяки, да ещё в распашонках? – всё-таки съязвил Вьюга-вьюн, чем навлёк на свою голову гнев Дзинь-да-да. Вернее, на головной платок, за который девочка дёрнула, давая понять шалуну, что поведение его бестактно.

– Ий-ий... – заплакал фей Сонька. – Мы, может, Колдуну не нужны... Князь собирает сонный порошок – наш волшебный инструмент. Мы посыпая им головы спящих людей, чтобы им снились добрые и светлые сны. Но если порошок попадёт в злые руки, сны превратятся в кошмары. Сморчок посредством сонного порошка хочет отравить умы людей, насладиться на них чёрные сны.

– А в конечном итоге свести их с ума, превратить в послушных зомби, – закончил за феей Абра-ар. – История повторяется. Сюжет немного другой, но суть та же. Люди, окутанные чернотой, перестанут верить в чудеса и сказки, забудут о своих желаниях, которым не суждено было сбыться. И не будет уже суждено... Это верная смерть антресолям...

– Оно так, но не совсем, – уточнил пан Сонька. – Сморчок не хочет уничтожить Антресолию, ведь вместе с ней автоматически исчезнет и Трельяжное Королевство. Сморчок хочет поработить Антресолию, превратив её в подобие Трельяжа.

– Кхи-кхи... – кашлянул в кулачок Петюня, но не потому, что запершило в горле, – мальчик просто пытался привлечь к себе внимание. – Извините, что прерываю вас, но многое из того, что вы рассказываете, мне непонятно. Может, поясните мне, что такое Трельяжное Королевство, чем оно отличается от Антресолии? О зашкафной стране, где живут забытые желания, мне рассказывал Яшка, но про Трельяж я слышу впервые.

– Ах, конечно, мой милый друг. Вы же не в курсе. Но сейчас мы это исправим! – пообещал профессор.

Видно было, что Абра-ар приободрился: расправил плечи, затянул потуже галстук, снял очки, подышал на них, после чего чистым платком тщательно протёр запотевшие стёкла. Все движения профессора были спокойными, размеренными. Петюня догадался, что это часть привычного для буквы «А» ритуала – профессор Абра-ар готовится прочесть мальчику лекцию.

Малыш опять вспомнил рассказы Яшки. В том числе и рассказ о том, что буква «А», словно ходячая энциклопедия, знает всё и обо всех. Во время приключений Ермолаева в сказке профессор

постоянно консультировал его, давал советы, пояснял. И без этих пояснений ещё неизвестно, как бы всё обернулось.

«Вот и моя очередь настала слушать рассказы умного Абраара», – не без удовольствия подумал Петюня.

Глава 16

Что такое Трельяжное Королевство?

Поскольку стоя слушать не совсем удобно, мальчик снова уселся на коврик прихожей. Его примеру последовали буквы, примостившиеся по краям коробки. Пану Соньке тоже захотелось присесть. За отсутствием стула толстячок, как и Петя, сел на пол, только зазеркальный, и прислонился спиной к зазеркальной двери.

Внутри зеркала было маловато места. К такому выводу пришёл Петюнька после того, как фей просунул сквозь него свои ножки и с

комфортом расположил их на шкафу уже с этой стороны. В результате перед самым носом мальчика красовались две голубые тапки, а из них выглядывали толстенькие, как сардельки, пальцы. Сонька всё время шевелил ими, и это смешило Петю, но малыш, учитывая серьёзность момента, изо всех сил старался сдерживаться.

Лишь в уме Петюня позволил себе сделать замечание: «Ишь ты... Ноги тут положил... Оно и видно, что пан... А размер ноги, кстати, у пана почти такой же, как у меня».

– Апчихи! – не столько из-за аллергии, сколько по привычке громко чихнул профессор Абра-ар перед тем, как начать своё повествование. – По большому счёту Трельяжное Королевство – это продолжение Антресолии, это тоже её часть. Только знаете, Петя, расположенная на окраине. Такое себе отдалённое, глухое местечко, куда отправляются в ссылку тёмные желания. Да-да, милейший, есть и такие. К сожалению, человек мечтает не только о хорошем... Ведь так?

– Угу, – кивнул, соглашаясь с буквой «А», Петя.

Он сам недавно что-то нехорошее пожелал Яшке, когда вспыхнула ссора из-за испорченного подарка Машеньке. Пожелал про себя и потом сразу же забыл. А оно вон как?.. Тёмные желания, хоть и забыты, тоже где-то живут...

– Да, Петенька, – подтвердила буква «Д» слова профессора. – Тёмные желания не исчезают. Они продолжают жить в сказке, засоряя её. Их слишком много! Чтобы Антресолия не превратилась в свалку, Советом Мудрейших было решено отвести под чернь отдалённую провинцию. Пусть уж лучше зло концентрируется в одном уголке, нежели будет ядом своим отравлять всю сказку.

– А надзирателем в Трельяжном Королевстве, по сути тюрьме, был назначен колдун Сморчок – карлик с морщинистым лицом, – снова взял слово профессор Абра-ар, которому становилось не по себе, когда кто-то другой, а не он, выступает в качестве рассказчика. – Раньше Сморчок был добрым магом. Не особенно могущественным, но достаточно опытным, чтобы справиться с тёмными желаниями и не позволить им покинуть границы Трельяжа.

И всё-таки слишком долго колдун пребывал среди черни, чтобы чернота эта очернила его разум и сердце.

– Сморчок провозгласил себя Князем Трельяжа, – рассказывал дальше пан Сонька. – Изначально антресольки в этом поступке карлика не увидели угрозы для страны, сочли за чудачество и не более того. Когда же колдун, напившийся силы тёмных человеческих желаний, выпустил чернь в свет, чтобы потушить его навсегда, маги забили тревогу, но было уже поздно. Сморчок стал очень сильным, и к нему прибилась Ахуратс. Попытки королевских волшебников, а их было много, остановить его не дали результата. Даже паукам из Сумеречной Долины, владеющим древнейшей магией, которой побаивалась, как мы знаем, сама Старуха, не удалось одолеть колдуна. Правильно подметила Дзинь-да-да: тёмных человеческих желаний слишком много. И с каждым днём их становится всё больше. Особенно теперь, когда Сморчок начал управлять сознанием людей через сны, через насылаемые на них кошмары. Представьте себе: колдун додумался использовать против людей их же дурные желания, тем самым он не даёт эти желания забыть! Поддавшись гневу, алчности, зависти и прочим порокам, человек порождает новые тёмные желания, приумножает чернь – армию Сморчка. Скоро Антресолия станет чёрным королевством, и над ратушей в Алфавите, нашей златоглавой столице, будет развеваться чёрный флаг... Ий-ий... Да ещё эта Ахуратс! Она здорово Сморчку помогает. Изловила почти всех панов Сонек. Остался один я. Вопрос – надолго ли? Тень меня чует, идёт по следу из двери в дверь. Если она отберёт последний мешочек с чистым сонным порошком, пока ещё не запятнанным чернотой, Князь Трельяжного Королевства станет непобедимым. Ий-ий... Нельзя! Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Колдуну достались последние крупинки порошка!

Не успел пан Сонька закончить свой печальный рассказ, как в дверь в центральном зеркале, которая недавно захлопнулась, кто-то с силой стукнул с той стороны. Грум-грум – раздалось в прихожей, напугав Петюньку и его друзей. Дзын-дзын – зазвенели дрожащие стёкла в зеркалах. При каждом ударе в дверь старенький трельяж

сотрясался, и казалось, что ещё чуть-чуть – зеркала не выдержат напора и рассыплются на множество осколков.

– Ий-ий! Это она! Это она! – запищал пан Сонька.

Он начал дёргать ручку боковой двери, чтобы спрятаться за ней от Тени, но дверь фею снов не поддавалась. Зато дверь по центру, в которую так настойчиво ломились, странно скрипнула, будто застонала, и распахнулась. За ней зияла чернота.

Глава 38

Узники Трельяжа

На дне глубоких кратеров, этих язв на теле молчаливой планеты, темно и холодно. Сердце мира, именуемого Трельяж, давно остыло. Густая Ночь залепила небо, надёжно укрыв равнодушную пустыню от любопытных звёздных глаз. Тишина сковала спящую планету. Разве что ветер-проказник иногда, от скуки, пощекочет изрытый оспинами-кратерами мир, погоняет немножко туда-сюда пыль, погудит несмело, пощупает, пошуршит. А когда скука станет совсем невыносимой, исподтишка подует в глубокие раны-колодцы, потревожит сгустившуюся на их дне темноту и, нашкодив, под ропот, грозно нарастающий в недрах сонной планеты, бежит, трусливо взбивая пятками серую пыль. Просыпаясь, планета силится разлепить веки, но властная Ночь, надавив тяжёлой, влажной ладонью, умиряет готовый вырваться наружу стон.

– Знай своё место! – обычно шепчет Стражница-Ночь, загоняя в тесную будку разгулявшийся без присмотра ветер.

Угрюмой планете полагается быть молчаливой. Трельяж – это тюрьма, в глубоких камерах которой заточены желания, порождённые тёмной стороной человеческой души. Мусор, грязь, отбросы – попросту ЧЕРНЬ.

О черни в сказках не принято говорить вслух. Отбросы лишены права быть полноценными гражданами Антресолии – страны розовой мечты. Вообще любых прав, кроме одного – права хранить вечное молчание. Таков закон.

По крайней мере, был таким до тех пор, пока колдун Сморчок, назначенный Антресолевским Советом Мудрецов надзирателем Трельяжной Темницы, не пресытился ночью и тишиной и не отворил ДВЕРЬ в загадочное Междумирье. Нарушив привычный порядок вещей, посягнув на Границу, Сморчок самовольно снял все запреты.

Холодная планета постепенно просыпается, чувствуя волнение заключённой в её сердце черни. Напуганный ветер дрожит, не решаясь больше дуть и играть с пылью в салки. Стражница-Ночь

терпеливо молчит, поскольку узникам разрешил шуметь САМ хозяин, провозгласивший себя Князем Трельяжного Королевства.

Тёмные запретные желания получили амнистию. Великий маг Сморчок подарил узникам шанс отомстить антресолевским чистюлям, наивно верящим в чистоту человеческого сердца, за отобранную свободу, за навязанное МОЛЧАНИЕ.

– У-у, заляпаем грязью вашу розовую страну, – грозятся тени, блуждающие на дне глубоких кратеров.

– Грядёт чёрная революция? – удивилась прильнувшая к колодцам Ночь.

Стражница прислушивалась к голосам, которые становились смелее и громче, и, всё более удивляясь, терпела, потому что так приказал ОН.

– Кате снова подарили новую игрушку. С голубыми волосами. А ещё набор игрушечной посуды. И платье у неё новое – оранжевое в клетку. А мне мама говорит, что не хватает денег. Но чем я хуже Кати? У-у... Мне бы ту куклу... С голубыми волосами... Я бы выколола ей глаза! Назло Кате! – завистливо прошептали в одной из камер.

– Мишку папа повёл в зоопарк. Будут смотреть там на мартышек и кормить булкой медведя, а потом, примостившись на парковой скамейке, по очереди лизать мороженое в хрустящем вафельном стаканчике. Мой же папа всё время занят, всё время на работе. У-у... Чтобы от того мороженого у Мишки заболело горло! – скулили в соседней камере, той, что слева.

– Эх... Чтоб вам пусто было! – сердился третий призрак. – Опять веселятся, музыку включили. А я отпахал у станка две смены. Спать хочу! Чтобы у них электричество замкнуло! Тьфу, басурманы...

– Не хочу идти в школу... Чтоб она сгорела... – плаксиво жаловался кто-то в четвёртой камере. – Чтоб учительница математики заболела... Тогда не будет контрольной!

– Вот увалень! Наступил мне на ногу... Чтоб ботинок тебе мозоль натёр... Будешь знать, куда ставить свои грабли! Медведь неуклюжий! – возмущался пятый узник.

– У Марфы Петровны красные туфли... Чтоб каблук она сломала... Чтоб сломала. Да-да! Сломала! Нечего щеголять тут, когда мне третий месяц уже не выдают зарплату... А-у-у... – горестно завывали в камере справа.

– Бабка обещала мне оставить в наследство квартиру, – нудно бубнил кто-то, – если буду за ней ухаживать, продукты, лекарства покупать, убираться. Я убираюсь, покупаю. За свои деньги, между прочим! А она ещё сто лет жить собралась. Когда всё это закончится? Таблетки ей, что ли, подменить?..

К подземному хору присоединялись всё новые и новые голоса. Плач, стоны, ропот, вскрики, жалобы и угрозы – всё смешалось в нём:

– Ненавижу...

– Донесу...

– Чтоб он лопнул!

– Чтоб они провалились...

– Чтоб вам пусто было...

– Отомщу!

– Хочу, хочу, хочу!..

– Вот вам, вот вам!

– Ату её, ату!

– И поделом...

– Гром и молния на их головы...

– Чтоб они!..

– Чтоб их!..

– Чтоб вас!..

Гул становился невыносимым, и даже Ночь, привыкшая ко многому, брезгливо скривила губы.

– Ух! – подняла ладонь Стражница, чтобы хлопнуть по колодцам и закупорить их липкой чернотой. Ночь была не в силах больше слушать скулёж и ропот.

– Не смей, – сухо приказал ей ОН. – Отступи.

Ночь послушно отпрянула от колодцев. Она не понимала приказов хозяина, но осуждать их не осмеливалась. Трельяжный Князь стал слишком силён.

Сидя верхом на оседланном таракане-роботе, колдун Сморчок парил над стонущей планетой. От него исходил синеватый свет. Лицо старика оставалось безучастным. Решительно выставив руку с перстнем вперёд, Князь сделал движение, будто отбросил покрывало. Стражница-Ночь взвизгнула и отступила, пропуская хозяина. Небо посветлело, сменив традиционный чёрный наряд на грязно-серый.

Примостившись за спиной колдуна, Стражница отчитывалась:

– Узников слишком много, повелитель. Всё время прибывают новые. На всех камер не хватает. Не знаю, что делать, как удержать?

– А и не надо удерживать, – хитро сощурившись, сказал Трельяжный Князь. – Пусть погуляют.

– Обедать пора, – сообщил как бы между прочим рыжий зверёк на голове колдуна.

– И то правда, – ласково похлопал шапку старик.

Жадно облизнув губы, колдун наблюдал, как наполняются красным светом миллионы кратеров печальной планеты.

– Раны вскрыты, – довольно прошептал Сморчок. – Идите, детки, к папе!

Кратеры взорвались, выпустив на волю призраки тёмных желаний. Колдун зажмурился и открыл рот. Призраки, искрясь, словно язычки пламени, соединились в поток и огненной рекой хлынули в рот старику. Сморчок пил, не открывая глаз, чтобы не видеть искажённых лиц заглатываемых им желаний. Такой обед необходим был Трельяжному Князю для пополнения магических сил, но не доставлял удовольствия.

Периодически, утомившись, колдун делал передышку, и тогда по его подбородку небрежно стекали огненно-красные струйки. Зверёк-шапка, свесив хвост, стирал с лица старика остатки недопитых желаний. Его любопытная мордочка вытянулась и, не удержавшись-таки, спросила:

– Вкусно, хозяин?

Сморчок провёл языком по зубам, почмокал и сплюнул. Огненный плевок, визжа, плюхнулся на землю и рассыпался искорками.

– Ну, как тебе сказать? – нахмутившись, отчего лицо казалось более старым, ответил колдун. – Самые сытные – это желания, порождённые завистью и жадностью. Таких очень много. Но они не очень вкусные. Что-то вроде пресного хлеба... Желания, порождённые страхом и отчаянием, отдают горечью. Эдакая горчица на хлеб... Понимаешь?

– Нет, – сказала шапка, но при этом кивнула, будто говорила «да».

– Так вот... – продолжал Князь делиться впечатлениями. – Самое вкусное – это масло... Желания, продиктованные мстостью. Пикантный вкус у желаний, рождённых из ревности. Это уже деликатес!

– Что-то вроде колбаски для магического бутерброда? – спросил зверёк и потянулся к подбородку хозяина, чтобы и себе лизнуть, но обжёг язык и, жалобно скуля, свернулся в шапку.

Колдун продолжил пить, сделал пару глотков и поперхнулся, сплюнул на ладонь искринки и поднёс к лицу, чтобы лучше их рассмотреть.

– Что это у нас? – удивился старик. – Желание маленького, слабого мальчика, которого обижают? Желание отомстить обидчикам? Да, мсть всегда сладкая! А мальчик-то нам знаком?! Не с ним ли сейчас панькаются пауки? Так-так... Вот его слабинка! И не одна! Здесь ещё и ревность замешана? Ясно! Мальчику нравится девочка, но проблема в том, что нравится она также его другу... Как делиться? Ха-ха!

– Дай попробовать, дай... – упрашивал хозяина зверёк-шапка, уже позабыв, видимо, насколько горячими могут быть тёмные желания людей.

– Не-ет, – погрозил пальцем непослушному зверьку Сморчок. – Эти желания мы есть не будем. Мы прибережём их для особого случая. Мы напомним о них человеческому детёнышу. Пусть сам проглотит то, что породил.

Колдун обернулся, ища кого-то. Не найдя, позвал:

– Ахуратс!

– Я всегда рядом, повелитель, – прошептала Тень, едва различимая на фоне грязно-серого неба.

– Чуешь запах тёмных желаний этого человека? – спросил её колдун.

Тень приняла подобие пса, уткнулась мордой в ладонь старика, понюхала.

– Вижу, что чувствуешь, – ласково сказал старик, а затем, сменив тон, строго приказал: – Найди в общем потоке ещё подобные искры и принеси мне.

Тень нырнула в красную реку. Желания, горящие в магическом огне, набросились на псину. Но куда им тягаться с самой Ахуратс? Тень разинула пасть и, словно сахарную косточку, разгрызала попадавшихся ей на зуб тёмных узников на тысячи мелких искорок.

– Не отвлекайся, Ахуратс. Ищи! – отдал приказ Князь.

Тень вильнула хвостом, оттолкнулась и побежала по красным лицам, судорожно разевающим рты. Время от времени тёмный силуэт огромной собаки останавливался, лапой выуживал из огненной реки нужные искорки и дальше продолжал свой бег.

– Кхи-кхи, – несмело кашлянула за спиной колдуна Стражница-Ночь.

– Что тебе, черноглазая? – спросил миролюбиво сытый Князь.

– Я насчёт феев снов, господин... – тихо начала говорить Ночь, но запнулась.

– Ну... И что? – подбадривал её колдун.

– Они всё время есть требуют. Попробуй прокорми такую прорву свиней... – жаловалась Ночь хозяину. – И чуть что, они пищат, как девчонки!

– Ха-ха-ха! – засмеялся Сморчок. – Ты меня, Ночь, поражаешь! Не ты ли испокон веков работаешь в Трельяже Стражницей? Тебе ли не знать, как приручать строптивых? Кнутом, кнутом потчуй их.

– Слушаюсь, – как-то обречённо сказала Ночь. – Но от их писка у меня болит голова!..

– Не хочу слушать! Пустяками голову мне морочишь! – прикрикнул Князь, чьё хорошее настроение, видать, закончилось. – Ну, где ты там, Ахуратс?!!

В несколько прыжков Тень очутилась у ног хозяина и в протянутую колдуном руку выплюнула с десятков пылающих угольков.

– Маловато, конечно, – разочаровался Князь. – Ну да ладно.

Старик достал из кармана камзола красный мешочек, расшитый золотыми нитками, ссыпал туда собранные Тенью искры, затянул верёвку и бросил мешок верной помощнице:

– Держи. Отправляйся к паукам. Найди мальчика. Познакомь героя с его же собственной ЧЕРНЬЮ. И не забудь о сонном порошке, который в первый раз упустила! Хватит пацану играть роль фея.

Ахуратс подхватила мешочек и была такова. Глядя вслед своей помощнице, колдун протянул руку. Из перстня с чёрным камнем выстрелил синий луч, пробив в небе дырку. Тень благодарно помахала хозяину хвостом и юркнула в щель.

– Теперь с вами разберёмся, детки, – колдун направил руку с перстнем на огненную реку.

Лица, объятые пламенем, умолкли.

– Я отобедал уже, – успокоил их старик. – Теперь ваш черёд трапезничать.

– У-у-у! – завопила толпа. – Загрязним всю розовую страну!

Трельяжный Князь размахнулся и раскроил лучом небо. В рану хлынула зелёная пыль.

– Вперёд, мои детки! Вперёд, моя армия! – крикнул колдун, гарцуя верхом на таракане.

Чернота заполнила глаза старика и чёрными слезами, капля за каплей, стекала по его дряблым щекам.

Призраки вырвались из волшебного пламени, которое сдерживало их до сих пор, и ринулись в открытый портал.

Взяв в руки поводья (усы Шуршунчика), Князь бросил через плечо Ночи:

– Залатаешь дырку?

Ночь утвердительно молчала.

Таракан расправил крылья и приглушённо затрещал, предчувствуя дальний полёт.

– Поехали! – пришпорил пятками трескуна Сморчок.

Описав круг для разгона, Шуршунчик помчал хозяина в зелёный космос.

Густая Ночь, устало привалившись к небу, молча накладывала на рану швы. Это получалось у неё исправно. Портал постепенно затягивался. Наложив последний стежок, Стражница-Ночь откусила чёрную нитку, натянула небесное покрывало, проверяя, не трещит ли, и, удовлетворённо вздохнув, отправилась по делам – кормить панов Сонек.

Глава 48

Сон

Перемещаться по узким подземным тоннелям для Ахуратс не составляло труда. Учувяв мальчика, Тень преследовала его, шла по пятам. Ей удалось даже нанести малышу первый укус, войти в его сон, впрыснуть яду в чистую детскую душу. Всё складывалось более чем удачно, но вот незадача – хлынул яркий магический свет подкупольного паучьего мира. Как Тени проскользнуть незамеченной сквозь многочисленные сенсоры пауков? Как не растаять под слепящими лучами волшебного кристалла?

Но Ахуратс хитрая! Ахуратс находчивая! Она помнила правило: чем ярче свет, тем гуще тень. Прячась у своих младших сестёр – теней и полутеней, отбрасываемых растениями, Ахуратс двигалась, когда перескоками, когда ползком, навстречу своей жертве. Там, где залитые солнцем покрывала ажурных теней вдруг обрывались, она просачивалась сквозь землю, сливалась с песчинками и камнями, ища у них укрытия.

Вытянувшись змеей, Тень мягко огибала попадавшиеся ей на пути стволы, шишки, ветки, травы, колосья, листья и сучки, проскальзывала сквозь щели в живых стенах волшебного города. Устав, Ахуратс сворачивалась клубочком под сенью какого-нибудь цветочного дворца. И так, незамеченной, ей удалось добраться до розария, где нашёл пристанище земной мальчишка.

Глупый детёныш, сам не зная того, облегчил поиски уставшей Тени – вышел на балкон.

– Блюдо само подало себя, – облизнувшись, прошептала Ахуратс.

Притворившись лианой, она обвилась вокруг ствола алой розы, протянула щупальце к балкону-лепестку, накинула петельку на Петюнькину ножку, нырнула под пижаму, поднялась к шее, от шеи к лицу, чёрными ладонями надела на глаза и, повиснув на мальчике грузом, потянула его в бездну бесконечно тёмного сна.

Темнота укутала Петюню. Темнота его собственных желаний, порождённых гневом, жадностью, завистью, ревностью, ленью и

страхом. Сначала Петюнька падал и кричал, падал и кричал. Затем, как и в прошлом своём сне, он оказался в детском садике. На него нёсся громадный Вовка с дырявым ведром в руках. Он собирался надеть это самое ведро на его, Петюнькину, голову, чтобы потом барабанить сверху кулаками и, брызжа слюной, дразниться:

– Сопля, сопля! Тра-ля-ля! Коз-зьявка!

Глаза Петюньки ослепила вспышка, будто кто-то щёлкнул перед его лицом пальцами и высек искры.

– Не хочу! – крикнул малыш. – Не хочу и не дамся!

Всё вокруг закружилось, завертелось. Вовка споткнулся и упал. Ведро выпало из его рук и с громким звяканьем покатилося к Петюньке. Не раздумывая, мальчик схватил его и, подбежав к поверженному хулигану, нахлобучил ведро на его коротко стриженную, почти лысую голову. Ведро оказалось маловатым для

Вовкиной головы, и она, естественно, застряла. Изнутри слышались всхлипы и бессвязное мычание. Вовка с ведром на голове стоял на четвереньках и выглядел смешно... На взгляд Петюньки... А чтобы ещё было смешнее, малыш сел на Вовкину спину и ударил кулаком по ведру. Металлическое «дзэнь-дзэнь-дзэнь!» и жалкое хныканье казались ему самой приятной музыкой. Петюнька вошёл во вкус и всё тарабанил и тарабанил по ведру, пока руки не заболели.

«Надоело», – подумал он и поднял голову. Вокруг парили крупные зеркальные осколки. В них малыш видел своё отражение, и его не смущало, что с отражением этим что-то не так. Вместо бледного, худенького, с острым подбородком и в огромных очках личика в зеркальных осколках корчило гримасы белобрысое полное лицо – точная копия Вовки. Но это не был Вовка. Это был Петюнька в образе хулигана.

– Хы-хы-хы, – оскалилось лицо. – Лучше быть сверху, а не снизу, правда? Как сладко это ощущение! Как вкусна месть!

Разохотившись, Петюнька побежал во двор. Будучи заточённым в Вовкином теле, который был на порядок выше и тяжелее Петюни, он громко топал и подымал пыль. В песочнице копошилась та противная девчонка, которая однажды прогнала его, будто беспомощного щенка. Имени её мальчик не помнил, но это не имело никакого значения. Ввалившись в песочницу, Петюнька-великан зачерпнул горсть песка и швырнул его в лицо обидчице. Однако на месте девчонки оказался вдруг Яшка. Он потирал кулачками покрасневшие глаза и плакал.

– Ничего, – не растерялся Петюня. – Ермолаев тоже заслуживает. Они все заслуживают, чтобы их наказали! Всех поставлю на колени! Пусть враги мои трепещут! Хы-хы-хы!

Вокруг опять кружили каруселью кусочки зеркал. То, что смотрелось в них, уже не было человеком, поскольку утратило человеческие черты. Вместо лица расплылось кляксой чёрное пятно. Малыш поймал один осколок, который в его ладонях превратился в

маленькое круглое зеркальце. Такое же он однажды выковырял из маминой сумочки, чтобы подарить его Машеньке.

– Ах, Машенька! – вздохнул мальчик.

– Я здесь! – раздался голосок Солнечного Зайчика за Петюнькиной спиной.

Малыш обернулся. Перед ним стояла Машенька в нарядном алом платьице. На голове у девочки венок из разноцветных листьев. Солнечный Зайчик кивала и улыбалась Петюне. Так улыбалась и кивала, как улыбаются и кивают победителю. Только вот... Только вот глаза у Машеньки совсем другие. Чужие, холодные, чёрные...

«Да это же и не Машенька вовсе?!» – мелькнуло в голове Петюньки.

– Хы-хы-хы! – засмеялась девочка грубоватым Вовкиным голосом.

«И не я это... Не я!» – мотал головой малыш, осознав вдруг, что потерял лицо.

– Хы-хы! Ты! Ты! – тыкала в него пальцем чужая Машенька.

Листья на голове девочки пожухли, раскрошились и осыпались трухой на алое платьице. Веночек исчез, как исчезла и сама Машенька. Осталось только платье, которое само по себе танцевало вальс.

– Ля́ля-ля́ля-ля́ля-ля́ля! Ля́-ляля́! – играла красивая музыка и настойчиво будила Петюньку. – Ля́ля-ля́ля-ля́ля-ля́ля! Ля́-ляля́...

Глава 55

Бал короля Лута

Тяжёлые скрипучие ворота с огромными железными кольцами вместо ручек распахнулись. Слишком резко, учитывая их большой вес. Хорошо, что умный Медок, знакомый уже с дверными фокусами (не раз приходилось бывать во дворце Лута), не позволил друзьям близко подойти к воротам, хотя Петюнька и порывался. Иначе ушибами и синяками все были бы точно обеспечены.

От ворот к главному входу замка протянулась, разветвляясь, усыпанная гравием дорожка. По обе стороны, выстроившись в два ряда, стояли длинноногие стрекозы в розовых чулочках и белых передниках. Они усердно кланялись гостям и предлагали на серебряных подносах разнообразные закуски и напитки.

– Молоко, сметана! Молоко, сметана! – протягивала Петюньке чашу с чем-то белым и вкусно пахнущим улыбчивая стрекоза.

– Творожок и йогурт! Сливки, простокваша! А ещё кефир! – зазывали её подружки.

Стрекозы рекламировали угощение красиво: кивали, приседали, кланялись. И получалось это у них так изящно, так ритмично, будто они танцевали, не сходя с места. Под «молоко, сметана!» крылатые красавицы, все разом, кивали, под «творожок и йогурт!» приседали, под «сливки, простокваша!» кланялись, протягивая подносы гостям, ну а под громкое «кефи-и-ир!» выпрямляли спинки. И так по кругу: кивок, реверанс, поклон, кивок, реверанс, поклон.

Всем этим интересным действием руководил, дирижируя половником, коренастый мужичок в белом, как у стрекоз, переднике. Только на его фартуке ещё был изображён в виде аппликации надкушенный кусочек сыра. На голове дирижёра важно нахлобучен поварской колпак. Из-под густой каштановой бороды, стриженной под лопату, выглядывал на цепочке кулон – символ буквы «С».

– Сыр Иванович и его помощницы! Е-е! Ватрушки! – похлопал себя по животу Еремей. – Сейчас угостимся!

При виде кушаний, приготовленных Сыром Ивановичем, у Петюньки потекли слюнки, но попробовать хотя бы одну ложечку

йогурта или сметанки ему не довелось. Жужа, видите ли, спешила... Игнорируя подносы, буква «Ж» прошествовала к главному входу во дворец, где её поджидали, нервничая и обмахиваясь веерами, принаряженные фрейлины. Сопровождающие королевы, в том числе и Петюнька, согласно этикету тоже вынуждены были спешить. Только лодочник позволил себе угоститься. Отстав от процессии, Еремей развязал пояс, чтобы не мешал кушать, и набросился на творожные ватрушки и жирную сметанку.

Зависть, похоже, не собиралась надолго отпускать мальчика и снова вонзила зубы в его сердце. Там, где орудует зависть, и гнев проказничает, а вслед за гневом всегда приходит злоба.

– Ишь ты, как наяривает!.. Чтоб ты подавился... – со злости пожелал малыш. Его глаза потемнели.

– Слушаюсь, – усмехнулась Ахуратс, беспрепятственно проскользнувшая в по-прежнему распахнутые ворота. Чем громче становился голос тёмной стороны Петюнькиной души, тем сильнее становилась и Тень. И магия пауков теперь её мало волновала.

Опоясав Еремея, Ахуратс стянула себя узелком. Лодочник закашлялся, согнулся пополам, выплюнул недожёванную ватрушку.

«Всё-таки подавился?» – удивился Петюня, но не тому, что осуществилось его желание, а тому, что ему было приятно осознавать, что оно осуществилось.

Тень ослабила хватку, похлопала Еремея по плечу и, потеряв к нему всякий интерес, юркнула за пазуху Петюньке. Свернувшись клубочком на его груди, Ахуратс притаилась. Она слушала, как по-новому стучит сердце мальчика, «переваривая» новые для него чувства. Слушала и крепла, слушала и росла.

С тяжёлым камнем на сердце малыш переступил порог Тронного зала. Он был недоволен собой, понимал, что в чём-то виноват, но разбираться в вихре нахлынувших на него мыслей и чувств, таких разных и противоречивых, ему сейчас не хотелось.

«Потом, – решил Петюня и улыбнулся такому лёгкому решению. – Как-нибудь потом».

Тень согласно кивнула и сильнее прильнула к груди мальчика, ближе к сердцу, которое постепенно, незаметно для своего хозяина, беспечно улыбающегося Петюньки, начало покрываться чёрной корочкой.

Тронный зал короля Лута Нарата представлял собой не один цветок-бутон, с чем сталкивался до сих пор Петюнька, а сотни собранных в густые кисти колокольчатых мелких цветков, играющих всеми оттенками розового цвета: от светло-розового, сиреневого, лилового, малинового до тёмно-пурпурного и свекольно-коричневого тонов. Каждый цветочек выступал в качестве миниатюрного кабинета, в котором размещались два кресла по бокам и круглый столик посередине. Кабинки соединялись друг с другом лестничными переходами, выложенными из мелких чешуевидных листочков. Все цветы, в совокупности своей образывавшие розово-пурпурный купол, смотрели в центр тронного зала – начищенный до блеска мраморный пол.

– Юшка моя! – расправил усы Юговой. – Вересковый зал! Всегда мечтал здесь побывать, а особенно потанцевать. Какая роскошь! Какое великолепие! Какая отличная танцплощадка! И сколько здесь вмещается народу?!

Бал был в разгаре! Множество ног, в сапогах, ботинках, туфлях или вообще босых и мохнатых, притоптывали, скакали, шаркали, дрыгали и выписывали невероятные кренделя под весёлую польку в исполнении паучьего оркестра. Джентльмены-пауки в золотистых кудрявых париках и в малиновых сюртуках кланялись дамам – напудренным паучихам в голубых париках с более длинными, нежели у кавалеров, кудряшками. Широкие синие плащи с капюшонами и маски на лицах с восемью прорезями для глаз несколько скрывали уродливость паучьих аристократок. Этому Петюнька был очень рад, поскольку никак не мог привыкнуть к специфической, мягко говоря, внешности коренных жителей Сумеречной Долины.

Кроме пауков в вересковом тронном зале танцевали, важно прохаживались, сплетничали, закрывая рты веерами, отдыхали, уединившись в цветочных кабинках, попивали через трубочки коктейли и лакомились мороженым многочисленные гости короля Лута. Среди них было много знакомых Петюньке сказочных человечков – те же буквы, а также гномики, феи, эльфы, но ещё

больше незнакомых. Как вон тот, например, красный чудик с присоской вместо носа, который случайно во время танца присосался к полу и теперь торчал, словно столб, посреди зала, мешая танцевать другим. Его партнёрша по танцам (нечто вроде лиловой кляксы) расползалась, охая да ахая, вокруг столба, пытаясь отлепить присоску-нос от королевского пола.

В дальнем конце верескового зала на каменном троне, настолько высоком, что он почти касался слепленного из лилово-розовых цветов потолка, восседал король Лут Нарат. Длинная пурпурная мантия с золотым крючковатым узором спускалась, застелив тридцать три ступеньки, до самого пола. Никакой, даже малюсенькой, короны на голове короля не наблюдалось. Не было и парика, как у его подданных. Только взъерошенная чёрная шерсть.

– Ты смотри! Смотри! – шептала одна из Жужиных фрейлин на ушко другой. – Лут снова оригинальничает. Хи-хи...

– Фи-фи, – скривила губки вторая, – хотя бы ради приличия корону надел.

– Ж-ж-жуть! Цыц! – прикрикнула на шалуний Жужа. – Не болтайте лишнее, а то ещё услышат. Лучше покажите паукам, как пчёлы умеют танцевать. Зря, что ли, я вас учила?!

Фрейлины поклонились королеве и упорхнули в центр зала. Пауки при виде изящных пчёл расступились. Разудалую польку сменил нежный вальс.

– Раз, два, три! Раз, два, три! – приговаривала Жужа, раскачиваясь в такт мелодии и с нескрываемой гордостью любуясь, как легко парят в танце её воспитанницы.

– Прелестно! Прелестно! – захлопал в ладоши суровый на вид темноокий господин в облепляющем чёрном комбинезоне, на груди которого вышит серебристыми нитками символ буквы «П».

Чёрные, как уголь, брови и волосы, смуглая кожа, взгляд с хитрым прищуром, небрежная полуулыбка на красивом лице, мощные широкие плечи, высокий рост – внешность сильного, умного, обаятельного и наделённого большой властью человека,

коим являлся пэр Плюнь-Чпок. Буква «П». Правая рука паучьего короля.

Петюнька сморщил лоб, вспоминая, что рассказывал ему Яшка о букве «П» с таким смешным именем – Плюнь-Чпок?

«Плюнь-Чпок, Плюнь-Чпок, – мысленно повторял мальчик, с интересом поглядывая на нового знакомого. – Ага! Вспомнил! Ермолаев говорил, что буква «П» плюётся серебряной нитью. И нить эта очень острая! Может перерезать всё, что угодно. Лучше, наверное, держаться подальше от этого плюющего Чпока...»

Придя к такому выводу, Петюня попытлся, но скрыться за пышными юбками Жужи не успел – Плюнь-Чпок его заметил.

– Постойте, – окликнул он малыша. – Куда же вы?

– Я... – несмело проблеял Петюнька, подталкиваемый вперёд Жужей. – Это... Того...

– Ха-ха! И мне очень приятно! – блеснул белозубой улыбкой пэр и протянул для рукопожатия крепкую руку, судя по всему, отлично знакомую не только с пером и бумагой, как полагается чиновникам, но и с тяжёлым оружием. – Мы вас давно ждём. Прошу вас пройти со мной. Присядем где-нибудь, вы перекусите. Проголодались, пожалуй?

– Да, – честно признался Петюня. – Очень!

– Пойдёмте тогда. Вы не против, Ваше Величество? – спросил Плюнь-Чпок королеву. Впрочем, таким тоном спросил, что ясно было – ответ ему не нужен. Он и так всё решил.

– Пож-ж-жалуйста, – процедила сквозь зубы Жужа. – Как я могу вам отказать?

Петюнька вжал голову в плечи, когда Плюнь-Чпок взял его под локоть и повёл, словно арестованного, к ближайшей свободной кабинке. Тень на груди мальчика наострила уши. Близость такого сильного соперника её беспокоила.

Музыка тем временем стихла. Раздались аплодисменты. Это пауки благодарили пчёлку за их танец.

– Браво! Браво! – кричали, высовываясь из кабинок, гости.

«Жаль, что пропустил выступление», – с досадой подумал малыш, усаживаясь в кресло цветочной кабинки, в которую его привёл Плюнь-Чпок. Отсюда зал просматривался как сцена театра, а снующие туда-сюда фигурки напоминали актёров, играющих в какой-то весёлой комедии.

В соседней кабинке, той, что справа, сидел чубастый эльф и серебряной ложечкой кушал пирожное. С другой стороны, в кабинке слева, разместились толстая фея в причудливой зелёной шляпке и носатый краснощёкий гном. Фее было жарко, и она всё время обмахивалась красивым веером, изготовленным из цветочных пушинок. Гном смешно надул щёки, затем двумя указательными пальцами хлопнул по ним, выдув на свою знойную собеседницу струю воздуха. Фея довольно захихикала.

– Внимание! Внимание! – объявил паук в оранжевом сюртуке и с красной бабочкой на шее. – Встречайте! Художник Холст Хмелевич! Сейчас он покажет нам фокус с волшебной кисточкой!

В центр зала вышла буква «Х» – тощий, бледный субъект в узких, до колен сапогах и чудном плаще цвета хаки, стянутом на слишком тонкой талии красным пояском. Казалось, дунь на него, и переломится... Да, ещё бросалась в глаза модная причёска в стиле ирокез!

– Хи-хи, сразу видно, что творческая личность, – ехидно прокомментировала необычную внешность художника фея.

Перед Холстом Хмелевичем пауки натянули белый экран. Художник вынул из-под полы широкого плаща свою знаменитую кисточку. Ту самую, рисунки которой, как уверял Петюньку Яшка, оживают.

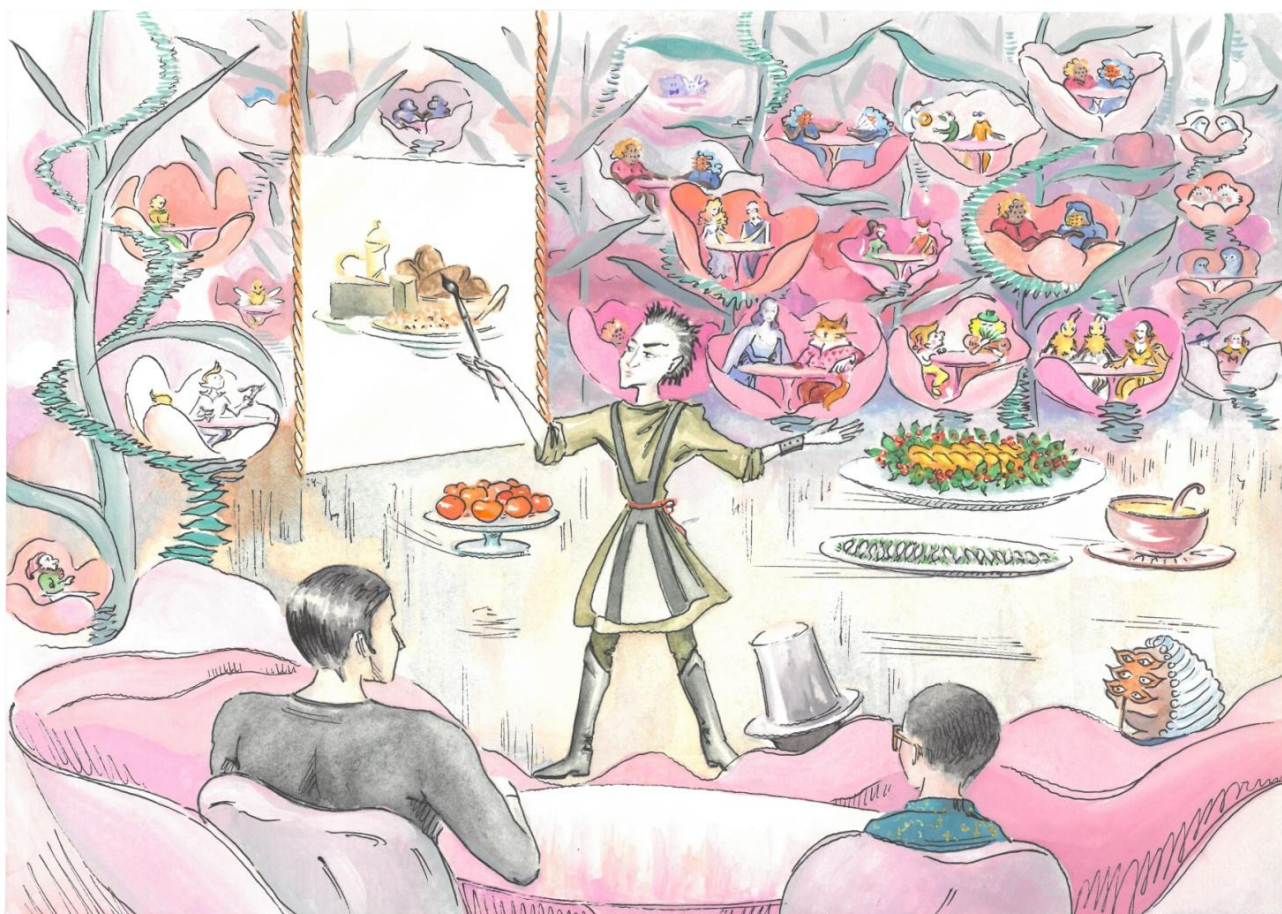
– Ну, господа? – ужасно писклявым голосом обратился к публике Хмелевич. – Что прикажете мне нарисовать?

– Хлеб с солью, харчо, хурму, хамсу! – кричали из разных кабинок.

Петюнька приосанился. Подумав немного, он решил и себе заказать что-нибудь вкусное.

– Халву! Халву! Халву! – крикнул малыш, приложив ладони ко рту. – Халву с изюмом! Халву с арахисом! И... И просто халву! А ещё хрустящее овсяное печенье! Хлопья кукурузные с мёдом и молоком!

– Хорошо, – поклонился художник, – сделаем.

Всего пара взмахов рукой, и на экране проявились блюда с халвой, печеньем, хлопьями. По центру нарисованного стола разместился румяный каравай, украшенный венком из гроздей красной калины. В глубокой супнице дымится суп харчо. Его остро-пряный аромат даже Петюнька учуял, со своего места в третьем ряду. Компанию супнице составила продолговатая селёдочница с выложенной рядами и присыпанной зелёным лучком мелкой рыбёшкой – хамсой. А вот появились сочные, спелые плоды хурмы – оранжевые сгустки южного солнца!

Всё это вкусное великолепие на расписных блюдах приобрело объём, отделилось от экрана, повисло на секунду в воздухе и

разлетелось по залу. Каждый получил то, что заказывал. Петюнька – свою халву с тремя разными вкусами, горячее, только из духовки печенье и залитые молоком медовые хлопья.

– Прошу вас, угощайтесь, – обвёл рукой столик, заставленный кушаньями, Плюнь-Чпок. Заметив, что мальчик вдруг смутился, он счёл нужным добавить: – Не бойтесь. Угощение настоящее.

Петюня, всё ещё сомневаясь, ковырялся ложкой в тарелке с хлопьями. Их медовый аромат щекотал ему ноздри.

«Будь что будет», – решил малыш, уже жуя печенье с хлопьями. Тёплое сладкое молочко потекло по его подбородку. Петюнька не умел кушать аккуратно и почти всегда пачкался, за что не раз был наказан мамой. Но сейчас мамы рядом не было, а значит, ругаться некому. Плюнь-Чпок, небрежно развалившийся в кресле напротив, снисходительно улыбался, наблюдая за трапезой «поросёнка», однако, когда мальчик поднёс руку к лицу, чтобы вытереть молоко рукавом, не вытерпел – резким движением поймал Петюнькину руку на лету. От неожиданности малыш выронил ложку, которая, ударившись о край стола, упала на пол. Да с таким звоном, будто это не ложка была, а большой церковный колокол! Взгляды всех присутствующих на балу гостей устремились на кабинку с Петюнькой.

– Петя Ложкин уронил ложку! – насмешливо сказал король Лут Нарат со своего трона. – Как вы думаете, господа, это хорошая примета?

Глава 56

Тайный совет

Свет погас. Цветок сомкнул лепестки. Петюнька почувствовал, что кабинка движется, и сразу же забыл о злополучной ложке. Шум тронного зала, приглушённый цветочными стенами, становился слабее, пока совсем не утих. Больше не пахло супом харчо и свежим караваем. Повеяло прохладой. Мальчик определённо находился уже в другом помещении.

– Прошу вас, не бойтесь, – успокоил Петюню Плюнь-Чпок. – Причин бояться нет. Мы с вами перемещаемся на другой уровень дворца. Как в лифте. Понимаете? Ничего особенного. Простая процедура.

– А я и не боюсь, – заявил малыш, хотя на самом деле ему было жутко не по себе оставаться наедине с буквой «П», способной плевать острой нитью.

Кабинка остановилась. Лепестки не соизволили распахнуться сразу, и Петюньке пришлось ещё несколько минут скоротать в компании Плюнь-Чпока. В темноте! Когда сработал, наконец, нужный механизм, и в раскрывшийся бутон хлынул розовый свет, мальчик вздохнул с облегчением.

– Мяс-у, все в сборе? – строго спросил огромный полосатый кот, подозрительно похожий на Яшкиного Барсика.

Кот сидел, перекинув лапу на лапу, в стандартной розово-лиловой кабине, расположившейся напротив Петюнькиного цветка. На коленях он держал раскрытую книгу, которая перелистывала сама себя. Рядом с котом, в соседнем кресле, ёрзала птица. Говоря по правде, птицей она была лишь наполовину. Нижнюю. Сверху же – обыкновенный человек. Разве что, сиреневый и с крыльями, как у ангела. Он это был или она была, Петюня, как ни всматривался в лицо сказочной птицы, не мог определить.

Сидеть в кресле птичеловеку было некомфортно, поэтому он крутился, размахивал крыльями, топтался, отчего во все стороны летели сиреневые перья. Устав ёрзать, крылатый незнакомец (или всё же незнакомка?) взгромоздился на стол, на ровной поверхности

которого когтистым птичьим лапкам было гораздо удобнее удерживаться.

– Ах, Ваша Усатость, не все, – ахнул профессор Абра-ар из кабинки сверху.

«Пятый ряд, – прикинул Петюнька, – седьмое место, если считать слева направо».

Птичечеловек, который успокоился уже и сидел на столе, подобрав под себя лапы и сложив крылья на спине, подтвердил:

– Отсутствуют буквы «Ч», «Ш», «Щ» и «Р». Отказались покинуть подземелье. Сейчас они, получается, в тылу врага.

– У-у-у! – пробежал по кабинкам многоголосый ропот. – Прихожую отдали врагу-у-у... Таможня пала... У-у-у! Враг идёт на столицу...

Петюнька высунул голову из кабинки, чтобы лучше рассмотреть новый зал, в котором он оказался. Зал совещаний, надо полагать. По структуре помещение мало чем отличалось от Тронного зала, разве что было поменьше. Совещательные кабинки были заняты хорошо знакомыми Петюньке буквами. Толстая фея с гномом и эльф из соседних цветков тоже присутствовали на заседании. Из пауков на глаза в основном попадались черношерстные особи в высоких папах, украшенных цепями. Высшие чины паучьей армии, как догадался Петюня.

Слева от мальчика на ступенчатой возвышенности стоял трон, а на нем сидел король Лут Нарат. Точно такой же, как и в парадном зале, только с короной.

– Интересно? – подумал малыш, не заметив, что сказал это вслух. – Я приехал на цветке-лифте, а как король, не вставая с трона, сюда попал? Или трон под ним – это тоже завуалированный лифт?

– Дело не в лифте, – заметил Плюнь-Чпок. – Дело в короле. Их двое. Настоящий сейчас перед нами, а в Тронном зале гостей встречает его двойник. Бал – это всего лишь декорации... Для отвода глаз, так сказать. Это безобидный повод собрать под одной крышей выдающихся деятелей Антресолевских смежных королевств. Чтобы не пугать местное население, понимаете? Преждевременно не пугать.

Пока в Тронном зале веселятся, танцуют и угощаются, причём большинство делают это искренне, даже не подозревая о нависшей над столицей угрозе, мы будем решать, как отразить нападение врага.

– Трельяжный Князь очень силён. Его войско стремительно растёт. Хранитель ключей молчит... – без всяких предисловий начал речь председательствующий кот. – Люди своими тёмными желаниями подпитывают магию колдуна Сморчка. Они – источник его силы. Боюсь, что нам самим не справиться с трельяжным монстром, в которого превратился колдун Сморчок. Как говорят мудрецы? Клин клином выбивают?

– Да! Да! – кивали в кабинках.

– Так вот, дамы и господа, нам нужен человек! – продолжал кот, при этом взгляды всех присутствующих на Тайном Совете устремились на Петюню. – Уверен, что Хранитель ключей не просто так позволил земному детёнышу проникнуть в наш мир. Мальчик пришёл к нам не случайно. Это судьба! Он избранный! Он должен выполнить свою миссию. Он выступит против колдуна.

– Пожалуй, вы правы, Ваша Усатость, – взял слово Плюнь-Чпок. – Мальчик сыграет ключевую роль в этой войне. Вопрос в том, каков сценарий? План действий, так сказать?

– Какой? Какой? – переспрашивали друг друга заседающие и пожимали плечами. Те из них, конечно, у кого эти плечи были.

– Пауки возьмут на себя оборону. Зададим черни перцу! – пообещал король Лут.

– Союзники помогут. Это я вам говорю – Барсениус! – гордо заявил кот, стукнув себя лапой по полосатой груди.

Поднялся гул. Плюнь-Чпок рывком встал с кресла, стукнулся затылком о низкий цветочный потолок кабинки, молча потёр ушибленное место, затем простёр руку к Петюньке, выждал минутку, пока не утих шум, и громко, торжественно так сказал:

– Куапа – последний замок на двери, ведущей в высший мир... В Антресолию! Столицу нельзя отдавать врагу. Все вместе, сплотившись, мы будем отстаивать город. Мальчик в это время отправится... в Трельяж. В место, где всё началось, откуда излилась

река черни. Нужно освободить феев снов. Чтобы одолеть кошмары, насылаемые Сморчком на людей, чтобы одолеть чернь, нужен чистый сонный порошок. Ведь только чистое сердце может верить в чудеса, только не замутнённый чёрными мыслями разум способен порождать светлые фантазии. Паны Соньки изготовят новый сонный порошок, дарящий людям светлые сны, дарящий им покой. Для этого должно хватить тех волшебных крупинок чистого порошка, которые удалось сохранить мальчику. А там посмотрим, чья возьмёт.

– Это опасно! – вскрикнула толстая фея.

– Мальцу не справиться, – усомнился эльф.

– Я? Я... – пискнул от страха Петюнька, почувствовав, что снова все взгляды прикованы к нему.

Эльф презрительно фыркнул. Гном насупил брови. Фея качала головой. Пауки-генералы задумчиво поправляли папахи.

– Пусть покажет нам порошок, – сказал своё слово король.

Генералы выразили согласие кивками. Зынь, зынь! – хором звенели цепи на их роскошных папах.

– Выйди, мальчик, в центр зала, – попросил Петюньку Барсениус. – Покажи нам сонный порошок.

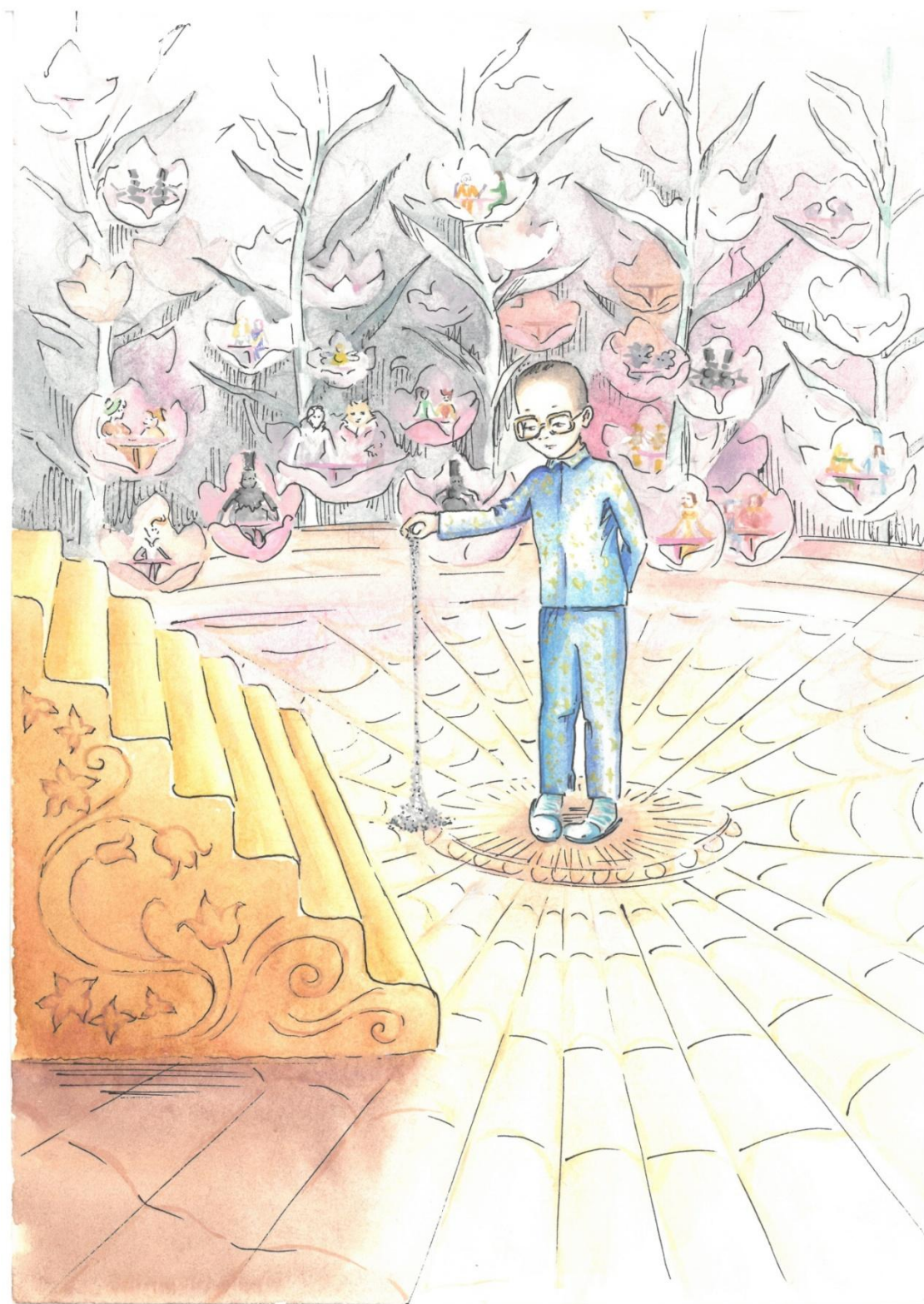
Недоумевая, малыш встал. Его коленки дрожали. Чувствуя нерешительность хозяина, тапки взяли инициативу на себя, захлопали крыльями и под громкое «фиву-фиву!» опустили его, куда было велено, – в пяточок посреди зала, выложенный из камня.

«Клоун на цирковой арене», – обречённо подумал Петюня. Ему казалось, что сейчас над ним непременно начнут смеяться. Задрав голову, он отыскивал в кабинках своих друзей, надеясь получить от них поддержку.

– Мы здесь! Мы здесь! – махал Петюньке шляпой профессор Абра-ар.

Дзинь-да-да, примостившаяся рядом с ним, посылала мальчику воздушные поцелуи. Гагатун от переживаний жевал свой колпак, а Вьюн и Бурундун, забыв о взаимных претензиях, сидели, обнявшись, на столе.

– Ну же? Где порошок? Мы ждём! – напомнил эльф.

Тень на Петюнькиной груди зашевелилась. В сердце мальчика вскипела ярость.

«Какие противные, оказывается, эльфы, — стиснув зубы, подумал он. — А я раньше любил слушать про них сказки. Фу! Больше не буду».

Петюнька достал из кармана мешочек, не глядя развязал его, зачерпнул горсть порошка и застыл, поскольку не знал, что делать дальше.

– На пол немного насыпь, – подсказал ему Плюнь-Чпок.

Малыш послушно насыпал. По-прежнему не глядя.

– Ох-ох?! – вылетело из каждой кабинки.

Абра-ар прикрыл лицо шляпой. Дзинь-да-да уткнулась ему в плечо. Гагатун выплюнул колпак и снова засунул его в рот, чтобы продолжить жевать. Бурундун с Вьюном упали, перевернув стол.

Петюнька не понял, что стало причиной такого переполоха. Но, опустив взгляд, он и сам обомлел: вместо белого, как первый снег, порошка по полу рассыпалась серая пыль. Малыш сел на корточки, макнул пальцы в пыль, поднёс к глазам, чтобы лучше рассмотреть непонятно каким образом изменившийся порошок. Многие крупинки, как видел Петюня, почернели. Смешавшись с белыми, они образовывали грязно-серую массу.

– Процесс очернения души начался, – констатировал факт Плюнь-Чпок.

– Я же говорил! Я же говорил! – злорадно взвизгнул эльф. – Люди все одинаковые. Им нельзя верить. У всех в душах червоточины.

– Порошок наполовину чёрный... чёрный... чёрный... – повторял одно и то же слово король Лут, в знак печали снявший корону. – Мы обречены.

– Порошок наполовину белый! Белый! Белый! – протестующе крикнула принцесса Яхтар.

– Значит, надеж-ж-жда есть! Есть! Есть! – поддержала её королева Жужа.

– Жу-жу-жу! – одобрительно загудели пчёлы из Жужиной свиты.

– Ах, мы за мальчика ручаемся! Б-б-берём на поруки! Вай, он хороший! Га, съем свой колпак, если это не так! Да-да-да! – кричали, перебивая друг друга, Петюнькины друзья.

Гагатун так увлёкся жеванием колпака, что действительно чуть было не съел его. пышный помпон застрял в горле бедолаги, который сразу посинел. Подобно старой засорившейся водосточной трубе, он выдувал страшные хрипы. Из глаз катились слёзы. Спасибо Бурундуну, который не растерялся и хлопнул друга по спине зонтом. Мокрый колпак выпал изо рта Гагатуна и, обиженно взмахнув помпоном, приземлился в серую пыль.

Брам! Брам! Брам! – загремело вдруг. Стены дворца задрожали, из кабинок посыпалась цветочная пыльца. Музыка в Тронном зале стихла. Вместо неё послышались стоны и плач.

– Началось, – сказала человекоптица, растопырив перья. – Ваша Усатость, пора решать.

– Последнее слово за Тайным Советником, – согласился с фиолетовым ангелом Плюнь-Чпок. – Совет одобрит Ваше решение, каким бы оно ни было.

Кот тяжело вздохнул, зажмурился, застыл, словно истукан, а затем неожиданно вздрогнул,лизал кончик хвоста, почесал за ухом, фыркнул.

– Ык, – икнул отшельник Ык, устав ждать.

Его смешная икота немного разрядила напряжённую атмосферу. Барсениус улыбнулся, расправил поникшие было усы.

– Мяу-у-у! – выдал победный клич кот и стукнул лапой по кожаному переплёту книги с золотым замочком. – Пока последние искры добра не погасли в душе ребёнка, есть надежда раздуть пламя. У нас нет выбора... Мы вынуждены довериться детёнышу... Но! Но у мальчика есть выбор! Я верю в то, что он будет правильный. Мы отправим маленького человека в Трельяж и дадим ему в помощь книгу заклятий. В трудную минуту посредством её магии он сможет вызвать любую букву.

– Мы поможем, мы придём, – пообещали буквы, одна за другой вставая с кресел и отдавая честь малышу громкими аплодисментами.

Глава 60

Три буквы «С»: Солнце, Свет, Смысл

Ласковым шелестом встретили путников бобовые заросли, покорно раздвинулись, открыв проход, и сразу же сомкнулись за их спинами. Белые молнии не шипели и не жалили. Они размякли, словно подтаявшее на солнце масло, и позволили пройти сквозь купольную сетку. На перьях птицы, на волосах и пижаме Петюньки остались жирные масляные пятна.

Завидев сиреневую точку на купольном покрове, которая стремительно увеличивалась, колдун Смorchок нервно моргнул опухшим глазом. По его дряблым щекам всё ещё текли чёрные слёзы. Вытерев рукавом лицо, старик стеганул плёткой по отдыхающей черни.

– Хватит валяться, шелудивые псы! – заорал он, указывая плёткой на сиреневого летуна. – Ату их, ату, ату!

Трельяжный Князь был очень зол. Столицу пауков не удалось, как планировалось, взять с наскоку. Да ещё боль в глазу напоминала о пережитом унижении.

– Как они посмели?! – скрежетал зубами старик, не переставая моргать и плакать. – Они за это поплатятся.

Колдун пришпорил таракана и вслед за гавкающей чернью помчался навстречу ангелу. Слёзы, капавшие из его глаз, подпитывали тёмных воинов, делали сильнее демонов-генералов. Сплотившись, чернь лавиной обрушилась на птицеангела, оглушила Петюньку, упорно норовила просочиться в его рот, нос, песком припорошила глаза, тисками сдавила голову. Птица отбивалась крыльями, пронзала чернь перьями, превращая её в прах, но темноликие воины сменяли павших и всё лезли и лезли на abordаж, стремясь разлучить мальчика с ангелом. И это им, в конце концов, удалось. Петюнькины ладошки, как ни сжимал он их, соскользнули с шеи птицы. Колдун хлестнул плёткой по залитому чернью небу, разрубил его на две части. В одной из них застрял ангел, в другой повис, распластав руки, маленький человек.

Петюнька не сводил глаз с лица ангела, видел, что тот шевелит губами, что-то говорит, но слов не слышно. Малыш мотал головой, не понимая, чего от него хотят. Он чувствовал себя слабым, беспомощным, ненужным, позволил отчаянию затуманить разум, приглушить сердца голос, за что и поплатился, пропустив удар. Колдун хлестнул мальчика по животу, попал плёткой по футляру на его поясе, разбудил книгу. Наполовину высунувшись из испорченного футляра, она клацнула золотым замочком, раскрылась, удивлённо зашуршала страницами, как бы спрашивая, что здесь такое происходит?

Малыш хотел взять книгу, но руки его не слушались, стали тяжёлыми, негнушимися – деревянными. Распятый, он висел на огрызке обугленного неба и слушал, как свистит жестокая плётка, намереваясь нанести ему второй удар.

– Книга, – тихонько позвал Петюня, – помоги мне, пожалуйста.

Пожелтевшие от времени страницы перестали шуршать, прислушались. Но на них не было написано ни строчки. А коль чистый лист, нет и волшебства.

«Надо что-то написать, – догадался мальчик. – Но что? Что поможет победить темноту? Тем более, когда её так много?»

Плётка просвистела над Петюнькиным ухом, но не зацепила его. Колдун передумал – обрушил удар на птицу, одним махом перебил ангелу крыло. Птичечеловек протянул к мальчику руку, моля о помощи.

«...Мне привиделось солнце... Оранжевое, искрящееся радужными бликами солнце, которое возшло над головой земного мальчика...» – почему-то вспомнил Петюнька слова, которыми встретил его отшельник Ык в подземном трактире.

Вслед за Ыком перед мысленным взором мальчика появился светлый образ Яхтар. Она смотрит на него так ласково, так нежно, так верит в него.

«Запомни, малыш, ты носишь в себе свет, – говорит принцесса. – Темнота может одурманить твой разум, но никогда...

Слышишь, НИКОГДА она не погасит твой свет! Свет твоей души. Борись! Твой выбор за тобой».

– Солнце... Свет... Свет и солнце? – крепко задумался малыш. – В чём смысл? Смысл? Три буквы «С»... Солнце. Свет. Смысл?..

Книга заклятий внимательно следила за ходом мысли Петюньки. На раскрытой странице проявилась буква «С».

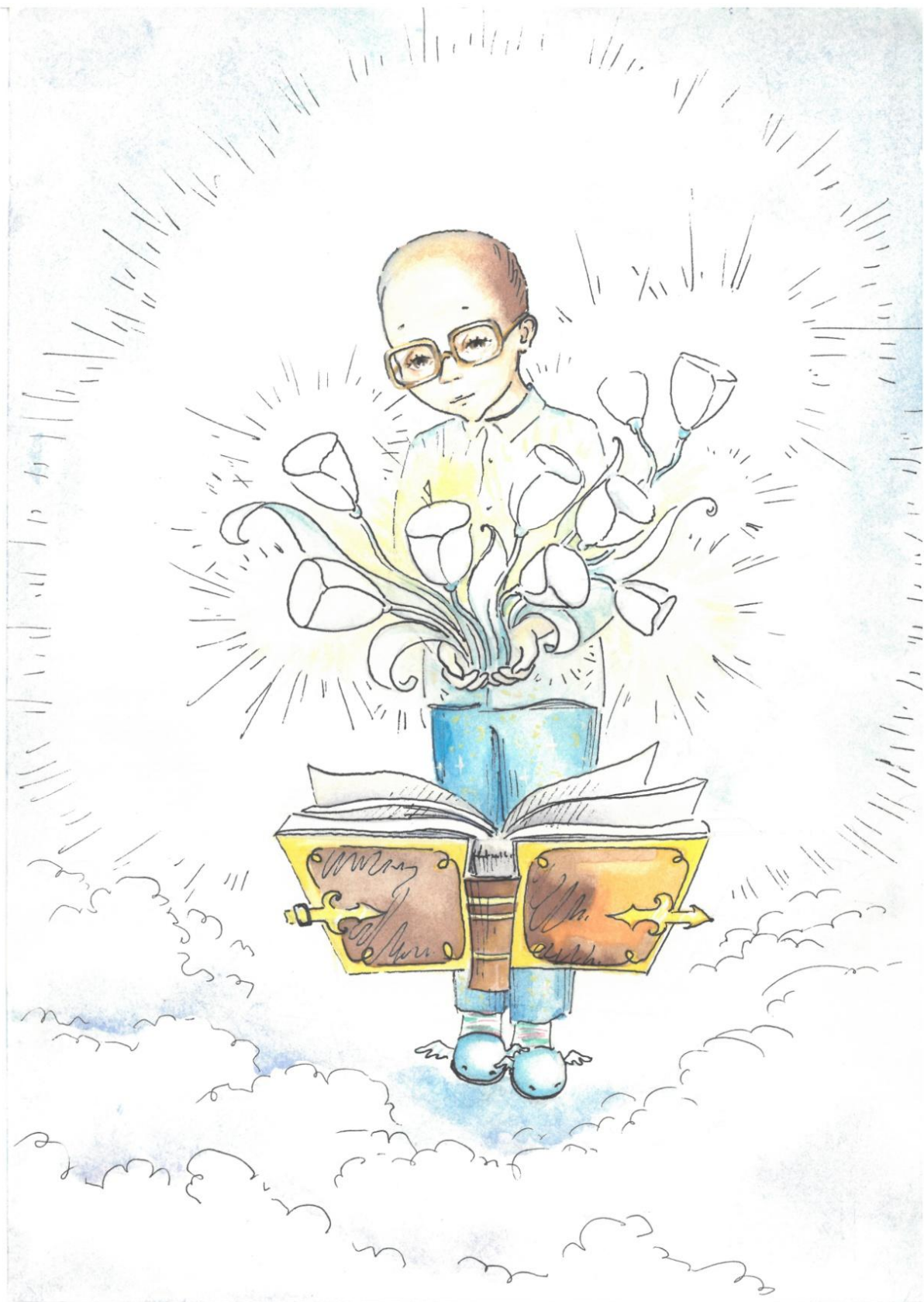
– Свет есть во мне, как и в каждом из нас, – начал говорить малыш, сначала тихо и неуверенно, а затем громко, с вызовом. – Свет во мне! Свет!

В третий раз свистнула плётка. Трельяжный Князь направил хлыст-жало на Петюньку. Мальчик закрыл глаза, но странно – сквозь веки он увидел... свет! Обычно так бывает, когда долго, до слёз, смотришь на солнце, а потом зажмуришься, но солнце не хочет отпускать тебя, щекочет веки лучиками, дразнится маленькими радужными зайчиками, которые спрятались в твоих ресницах, свесив ножки.

Медленно Петюнька разлепил веки. Свет стал ярче. Создавалось впечатление, что сразу зажглось множество лампочек. И отчасти это действительно было так. Только вместо лампочек светились нежным белым светом крупные бокаловидные цветки, распустившиеся прямо на Петюнькиных руках, будто это не руки были, а ветви волшебного дерева. Цветы были прекрасны, и малыш невольно залюбовался ими. Он видел чудо. Это бесспорно! И всё же Петюнька не мог поверить в то, что сотворил чудо он сам, что дивный свет, льющийся из цветов, – это свет его души.

– Ну почему ты всё время сомневаешься? – с лёгким упрёком спросил ангел. Тихо спросил, но мальчик его услышал, хотя и находился по другую сторону разорванного неба. Наверное, потому услышал, что слушал не ушами, а сердцем.

Чернь окатило волшебным светом. Поджав хвосты, демоны бросились врассыпную. Те же, кто не успел укрыться, таяли, словно чёрный шоколад на дне разогретой кастрюльки, в которой готовится крем для пирога.

Тапки фея, воспользовавшись затишьем, понесли мальчика к ангелу. Раненая птица парила на одном крыле. Второе крыло, сломанное, потрёпанное, висело тряпочкой. Однако ангел,

превозмогая боль, смеялся. Тонкоголосыми колокольчиками разнёсся по небу, освятив его, ангельский смех: дон! дон! дон!

Петюнька прильнул к груди птичечеловека, заглянул в его сиреневые, сияющие счастьем глаза.

– Ну почему? – вырвалось у него.

Ангел шикнул, не дав договорить.

– Опять сомневаешься, – вздохнула птица. – И почему люди такие неверующие? Такие слепые?